

Решальщики

Андрей Константинов

Раскрутка

«АСТ»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Константинов А. Д.

Раскрутка / А. Д. Константинов — «АСТ»,
2013 — (Решальщики)

Раскрывая резонансные преступления, «решальщики» встают перед серьезной дилеммой: в чем же все-таки призвание профессионального сыщика, пускай даже и на вольных хлебах? Вершить справедливость, сажать преступников в тюрьму или просто распутывать чужие интриги? Каждый находит свой ответ.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Содержание

История третья,	6
Глава первая	6
Глава вторая	21
Глава третья	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Андрей Константинов

Раскрутка

© А. Константинов, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2015

**История третья,
повествующая о том, что жизнь в провинции
бьет разводным ключом; о разговорчивом
киллере, полусветской львице, а также
наглядно демонстрирующая, что и в тихом
министерском омуте черти водятся**

Глава первая

...А ведь и в самом деле: где, как не на улице с немецким названием, размещать консульства Германии и Австрии? Кстати сказать, само слово «фуришат»¹ в разговорной речи немцев давно и прочно вышло из обихода. Но вот в Питере – поди ж ты, прижилось. Хотя, конечно, язык не то чтобы сломаешь, но подвывернешь точно.

Однако примечательна улица Фуришатская не только (и не столько) наличием на оной чужеземных консульств. Именно здесь расположены такие стратегически важные для петербуржцев присутственные места, как Дворец бракосочетаний № 2 и Дворец торжественной регистрации рождений «Малютка». Потому-то в любое время дня и года в этих краях завсегда – ленивой прогулкой ли, спешным проходом ли – встретишь красивые, улыбающиеся, счастливые лица; наткнешься на рассыпанные по тротуару крупу и мелочь; обогнешь хаотично расставленные пустые бутылки из-под шампанского.

Словом, улица эта словно специально создана для Жизни и Радости.

И уж всяко не для убийства по найму, которое должно случиться здесь буквально с минуты на минуту. Если, конечно, потенциальная жертва по каким-то причинам не отступит от устоявшегося, стороной нападения тщательно изученного распорядка дня.

Санкт-Петербург, 21 июня 2011 года, вт.

...Директор охранного предприятия «Квадрига» Владислав Червень вышел из подъезда в 10:36. Отставание от повседневного графика на шесть минут в данном случае представлялось не критичным – и для него самого, и для киллера. Скорее наоборот – эти шесть минут оказались для Червеня своего рода дополнительным жизненным бонусом. Аккурат по две минуты на брата от трех плетущих свои нити старух-мойр. Э-эх, еще бы знать о том подарке заранее! Как говорится: и за эти шесть минут можно сделать очень много.

Чуть меньше часа назад киллер, а в переводе на великий и могучий – «душегуб», оборудовал свой наблюдательный пункт на одной из скамеек, щедро расставленных по осевой, превращенной в пешеходную дорожку, полосе. И вот теперь, завидев объект, он испустил громкий выдох – происхождения не нервного, а скорее облегченного. Предстоящая ликвидация в карьере мастера по убоям числилась далеко не первой, так что особого мандража он сейчас не испытывал. Другое дело, что непривычно щедрое по питерским меркам июньское солнышко с самого утра припекало, из-за чего облаченный в «маскарадный костюм» киллер изрядно взопрел. Особое неудобство ему доставляли насквозь промокший от пота парик и разбухшие, как губка от воды, бутафорские усы.

¹ *Fuhrstaat* (здесь: *Fuhre* – воз, повозка + *Staat* – государство) – устаревший армейский термин, обозначающий фуражный обоз конной артиллерии (нем.).

Владислав же, на ходу закуривая, перешел на противоположную сторону Фурштатской и направился к своему чернявенькому «ауди». Припаркованному, как обычно, с вывешенными влево колесами – чтоб в случае чего не смогли затащить на эвакуатор. Выдержав паузу, душегуб поднялся со скамейки, потянулся, расправляя онемевшие мышцы, и, соблюдая дистанцию, пристроился следом.

Брезгливо смахнув на асфальт рекламку интимуслуг, оставленную на крыше «аудиохи» неведомым спамером, Червень загрузился в раскалившийся салон, выставил комфортный климат-контроль и, будучи по жизни заядлым меломаном, взялся сканировать эфир в поисках достойной музыки.

В этот момент в оконце водительской двери вежливо постучали.

Владислав приспустил стекло и неприязненно зыркнул на изогнувшегося вопросительным знаком лохматого усача:

– Чего нужно?

– Слышь, командир! Улица Курочная – в какую сторону?

– Наверное, Кирочная? – механически поправил Червень.

И это филологическое замечание стало последним осмысленным действием в его жизни.

В руке «усача» невесть каким образом возник пистолет с длиннющим, словно бы распухшим на конце стволом, который уперся Владиславу в переносицу – аккурат в тонкую позолоченную дужку дико дорогих солнцезащитных очков Ray Ban Aviator, месяц назад привезенных ему Машей из Эмиратов.

Червень даже не успел испугаться. Разве что подивиться такой вот борзой беспермонности уличных корабейников, назойливо впаривающих водителям всякое ширпотребное дерьмо – от рекламок блядских услуг до стилизованных под пистолеты пьезо-зажигалок...

Дважды глухо и отнюдь не «пьезо» кашлянул ствол.

Да еще его приглушила «Road to hell» в тревожно-сиплом исполнении Криса Ри, за несколько секунд до того пророчески выуженная из полифонического разнообразия Fm-диапазона теперь уже покойным Червеном. Как следствие – мельтешившие окрест случайные прохожие не услышали ровным счетом ничего. Да что прохожие – даже чутко реагирующие на всякого рода человеческие подставы голуби, и те не вздрогнули.

В отличие от своих киношных аватаров киллер оружие убийства не сбросил, а по-хозяйски рачительно спрятал, одним неуловимым движением угнездив оное в кожаные петли, пришитые с внутренней стороны летней куртки. После чего – сперва неторопливо, а затем все более и более ускоряясь, зашагал в сторону «Чернышевской». Выворачивая на проспект, он мазнул взглядом зачаленную в конце пешеходной зоны лохматую, изрядно погрызенную молью-временем «шестерку» и, припомнив, что срисовал ее еще по пути сюда, подумал: «А ведь есть в этой тачиле что-то напряжное?» Однако времени на анализ «что именно?» не было категорически: ведомый внутренним навигатором, он оставил ее слева по борту и нырнул в стремнину людского потока, движущегося в направлении станции метро...

Слегка забегаая вперед, расскажем, что лишь несколько дней спустя, плотно и надолго пребывая в четырех стенах одиночной камеры изолятора внутреннего содержания, киллер – к тому времени идентифицированный как Дружников Сергей Антонович, 1971 года рождения, – понял, что именно с той тачкой было не так: все стекла пенсионера отечественного автопрома были слишком густо тонированы. И одна только стоимость пленки серьезно превышала текущую рыночную стоимость самого «железа»...

* * *

Филёр из Александра Валерьевича Грибкова был, нежно выражаясь, никудышный. Поэтому два из трех основных правил ведения слежки – «держаться как можно ближе к объекту наблюдения» и «вести себя совершенно естественно» – игнорировались им напрочь. Ну да и то неплохо, что его неведение в части правила третьего – «не смотреть объекту в глаза» – компенсировалось профессиональным компьютерных дел мастеров заболеванием: при всем желании на такой дистанции классический очкарик толком не срисовал бы и общего выражения лица объекта. Чего уж там говорить про глаза!

Все надежды Грибкова в данную минуту возлагались на то, что через оставшиеся тридцать – сорок метров убийца зашагнет в павильон станции метро. Коли уж тот предпочел уносить ноги не на колёсах (что поначалу читалось как единственно правильное), а на своих двоих – лучшего места затеряться не придумаешь. Ну а там, в вестибюле, в районе турникетов, обязательно должны тусоваться менты. Те, которые гонят служебный план и имеют личный гешефт на проверке штампов о временной регистрации у залетных смуглокожих брюнетов. Правда, совсем не факт, что вечно сонные дети подземелья в погонах окажутся способны на оперативное реагирование с предполагаемым силовым задержанием. Ну да выбирать все равно было не из чего – сколь пристально Грибков ни всматривался, сколь ни крутил башкой на 270 градусов, иных служителей порядка окрест не наблюдалось.

«Вот уроды! – злился он. – Среди бела дня в самом центре города людей валят, а им – хоть хрен на фуражке теши! М-да... Что милиция, что полиция – те же яйца, только вид 3D!»

Всё же не зря пессимисты определяют надежду как крайнюю степень отчаяния: отделившись от толпы спешащих спуститься под землю граждан, убийца продолжил движение в сторону Кирочной. Вот тут Александр Валерьевич запаниковал, поскольку в его планы совсем не входило длительное пешее преследование профессионального, судя по легкости проделанной работы, киллера. Хорошо еще, что, будучи знакомым с повадками убийц исключительно по телесериалам, Грибков пребывал в иллюзорной уверенности, что оружие убийства преступник скинул на месте преступления и сейчас был хотя и «очень опасен», но по крайней мере не «вооружен». В противном случае филёр-самоучка не взялся бы его сопровождать даже и до метро.

Грибков перевозбудился настолько, что у него вспотели очки и, простите за такую интимную подробность, яйца. Так как со вторым в столь людной местности поделаться было ничего нельзя, он секунд на пять притормозил и протер носовым платком хотя бы стекла. Но когда вновь водрузил очки на нос, киллера в поле зрения уже не было. Тут бы ему и возрадоваться: «Кто спрятался – я не виноват», – но, пока мозг лихорадочно щелкал процессором, ноги на автопилоте вывели тело на угол дома. Осторожно выглянув за который, Александр Валерьевич обнаружил потерянный было объект наблюдения мирно и законопослушно стоящим у пешеходной зебры в ожидании зелёного. В данном случае «законопослушность» объяснялась – о чудо! – стоящей на якоре буквально в парочке метров от перехода гибэдэдэшной машиной с двумя персонажами анекдотов внутри. И это был ОН! Не шанец, но – ШАНС!

Короткими приставными шажками Грибков приблизился к транспорту гайцов со стороны пассажирской дверцы и, чуть ли не целиком запихнув голову в салон (благо опущенное стекло позволяло), отчаянно зашептал-зачастил:

– Там убийца! Пять минут назад он застрелил человека! Честное слово! Я сам... своими глазами видел!..

Словно бы спинным мозгом почуяв неладное, Дружников обернулся и цепко просканировал подсобравшийся за спиной народ, задержавшись на раскоряченной фигуре мужика,

эмоционально спорящего с гаишниками. Но тут как раз, заверещав, включился обратный отсчет пешеходного таймера, и душегуб вступил на первую из двенадцати порядком истертых пешеходных полосок.

Вторая. Третья. Четвертая...

– Молодой человек! – зычно ухнуло позади властное.

Вздрыгнув, киллер втянул голову в плечи и невольно сбился с нарочито уверенного шага. Несмотря на то что и справа, и слева, и спереди двигалось еще с пяток граждан мужеского полу, внешне подходивших под обращение «молодой человек», он интуитивно догадался: сие недоброе горловое пение посвящается персонально ему. И как-то сразу сделалось у него на душе (да-да, у душегубов, представьте себе, тоже есть душа!) кисло-капустно.

– Молодой человек! Я к вам обращаюсь!

Дружников с усилием совершил полуоборотное движение и уперся взглядом в выбравшегося из машины гибэдэдэшного сержанта.

– Да-да, именно! Можно вас на минуточку?! – Сержант заученным жестом взмахнул волшебной палочкой, указывая в какое именно место следует вернуться и прижаться к обочине. Одновременно из салона выкатился его напарник с габаритами мини-шварценеггера. Душегубу окончательно сделалось кислее кислого.

Продолжавший верещать таймер ускорил темпоритм, предупреждая о завершении времени пешеходного перехода. Засмердев выхлопами, зафыркали-заурчали готовые сорваться с места в карьер моторы.

И это снова был ОН! Не шанец, но – ШАНС!

На этот раз – для душегуба.

Дождавшись, когда особо нетерпеливые водилы начнут движение, Дружников рванул в противоположную от гаишников сторону, каким-то чудом умудряясь проскальзывать сквозь мгновением позже стартовавшие остальные машины. Саундтреком к его отчаянному спурту на проезжую часть обрушилась какофония звуков, густо замешанная на реве клаксонов, визге тормозов и истерично громыхающему: «СТОЙ! СТОЯТЬ, СУКА! ЗАСТРЕЛЮ НА ХЕР!!!»

Беглецу оставалось не более полутора метров до спасительного тротуара, как вдруг боковым зрением он сфотографировал невесть откуда вырвавшуюся и несущуюся на него тараном маршрутку.

Вот теперь стало действительно смертельно (гайцы до того в скученной обстановке стремились стрелять), Дружников попытался отпрыгнуть. Но толчковая нога неожиданно поехала (Уж не обошлось ли и тут без дурехи-Аннушки, вечно разливающей масло?), и вместо прыжка получился лишь неловкий разворот спиной. В которую и врезалась отчаянно тормозящая маршрутка.

Душегуба подбросило: удар был столь силен, что, перевернувшись несколько раз в воздухе, он успел потерять сознание еще до того, как его итогово-шумно припечатало об асфальт.

Хорошо хоть не головой. Хоть здесь повезло...

* * *

– Тебе сказали «стоять», а не «бежать»! Разницу улавливаешь, придурок?

– Успокойся! Он все равно тебя не слышит! – бросил напарнику «мини-шварценеггер». Присев на корточки, он, безо всякой деликатности, за волосы приподнял ушедшую в бессознанию голову беглеца и развернул разбитую в кровь физиономию, предъявляя на опознание белому как мел Грибкову. – Точно он? Или плюс-минус два диоптрия?

– Да... Это... это он стрелял.

– Ну, смотри. Ежели чего – отвечать вместе. Оп-па! – Гаишник всмотрелся в неподвижное тело, сунул руку под полу его куртки и осторожно, двумя пальцами, извлек ствол с обмотанной скотчем рукояткой.

Толпа зевак восхищенно и слаженно ахнула, а Александр Валерьевич, что тот хамелеон, изменил цвет мела на цвет савана.

– Виталя! – удовлетворенно хмыкнул «минишварценеггер». – Вызывай базу! Вот чуёт моё сердце, попадем мы сегодня в самые верхние строчки хит-парада!

Отчего-то не разделивший оптимизма напарника Виталя недовольно проворчал:

– Не знаю куда, но то, что «попали», – эт-точно! – и заголосил в носимую станцию: – База! База! Вызывает экипаж два-семь! Прием!

В ответ послышались зубовный скрежет, бормотание. А затем отчетливо-безразлично прозвучало:

– На приеме база! Что у вас, два-сеньмой?

– База! По ходу, мы тут киллера упаковали. А вот че с ним дальше делать – не в курсах...

* * *

Спустя примерно час после по-голливудски драйвовых событий на улице Кирочной на кармане старшего оперуполномоченного криминальной полиции Гладышева завибрировал мобильный телефон.

– Внимаю тебе внимательно, Никитич.

– Жора? Прикинь, только что из дежурки позвонили: гаишники вроде как взяли стрелка.

– Какого стрелка?

– Как какого? На убой на Фурштатской от нас вроде тебя отрядили?

– Ну да. Я сейчас как раз здесь и тусуюсь. Жду своей очереди на доступ к телу. Мертвому, естественно.

– О чем и толкую! Гаишники задержали твоего киллера!

Гладышев удивленно замотал головой:

– Погодь! Не части! Ты хочешь сказать, что в нашем городке в кои-то веки сработал план «Перехват»?

– В том-то и дело, что они вроде как его личным сыском взяли. Его и свидетеля тоже.

– Гайцы?! Личным сыском?! Киллера и свидетеля?! Воистину этот мир сошел с ума!.. Где они их взяли?

– В двух кварталах от места происшествия. На перекрестке Восстания и Кирочной. Убийца при задержании под машину попал, так они его в больничку повезли. Во Вредена². Так что давай: шеф приказал, чтоб ты – ноги в руки – и туда подрывался...

Гладышев убрал телефон, удилами закусил фильтр сигареты и, все еще не веря в свалившееся на него оперское счастье, выдохнул вместе с дымом:

– О-ХРЕ-НЕТЬ! Вот что Крест Животворящий и внеплановая переаттестация с людьми делают!..

Санкт-Петербург, 24 июня 2011 года, пт.

– Ну вот, блин, укатила. Жаль, пассажира не успел разглядеть.

Раздвинув пальцами жалюзи, Петрухин стоял у окна и смотрел на парковку «Магистрала».

Этот пятничный день выдался у решальщиков на редкость скучным и длинным.

² Больница при РНИИ травматологии и ортопедии имени Р. Р. Вредена.

Впрочем, как и вся неуклонно катящаяся на убыль рабочая неделя.

Впрочем, как практически весь первый летний месяц их новой, гражданской – не службы, но службишки.

– Какого пассажира? – зевнув, поинтересовался Купцов.

– Да у нас тут с утра на стояночке дюже интересный «БМВ» чалился. Е...РЕ177. Если память мне не изменяет, это вроде как госдумовские?

– Понятия не имею. Я в этих блатных номерах никогда не ориентировался.

– М-дя... Подрос Брюнет! Уже из Охотного Ряда народ принимает! А ведь каких-то лет семь назад...

Петрухин вернулся к своему столу, на котором мерцал экраном разбуженный ноутбук, с забелинскими³ интонациями пробурчал под нос: «Вот она, моя бумажная могила!» – и продолжил процесс наколачивания справки. Ну а Леонид, практически не меняя расслабленной позы (спина откинута, ноги на столе), кончиками пальцев дотянулся до папки с надписью «Входящие», выцепил очередную бумагу и вслух зачел:

– «Уважаемый Виктор Альбертович! Согласно нашей с Вами договоренности, спешу поставить Вас в известность о том, что в плане публичных мероприятий петербургского отделения молодежного общественного движения „Хрюши против“ на первую декаду июля заявлено проведение акции в универсаме „Виктория“. Искренне Ваш, Алексей». Хм... Борисыч! Ты случайно не в курсе: кто такие «хрюши» и чего они собираются в грядущей декаде прохрюкать в подведомственном нам универсаме?

– А?... Что?... – не отрываясь от клавиатуры, рассеяннo отозвался словивший вдохновение Петрухин.

– Я спрашиваю: «хрюши» – это кто?

– Животные. С пяточками на носу.

– Спасибо за разъяснение. Ладно, при случае поинтересуюсь у Брюнета. Тем более, время терпит. А вообще: что это за манера такая? Засылать письма с кривого адреса на корпоративную электронную почту, не представляясь по полной форме? Он, видишь ли, «Алексей»! Охренеть как приятно! А фамилия? Отчество? Должность? Звание? Степень искренности по десятибальной шкале?... Невозможно работать! Вот чес-слово!

Купцов пихнул бумагу в ящик стола и наугад выудил следующий тугамент:

– «В дирекцию ЗАО „Магистраль-НВ“ от работника горячего цеха Каргопольского филиала...» – Леонид глянул на оборотку: – Хм, а фамилии автора снова нет. Тенденция, однако. «Довожу до вашего сведения, что в период с января по май 2011 года завскладом Пепеляев тайно вывез со склада и обратил в свою пользу 35 кагэ лома медесодержащего, чем нанес ущерб предприятию. Указанный лом ныне хранится в сарае подсобного хозяйства Пепеляева...» Чуешь, как отрочеством, совком родимым пахнуло?

– Угу. Понюхал инспектор Купцов каргопольскую анонимку и аж заколдобился.

– Стыдитесь, Дмитрий Борисович! Это не «анонимка», как вы изволили выразиться, а самое натуральное «агентурное сообщение».

– Сразу приобщишь к делу? Или организуешь первичную оперативную проверку с выездом?

– А Каргополь – это у нас где? – задумался Леонид.

Нехитрая географическая задачка захватила его настолько, что любопытство пересилило негу. Посему Купцов убрал нижние конечности со стола, подкатился в кресле на двадцать сантиметров вперед и погрузился во Всемирную паутину.

– Так... Каргополь... О! Нашел!.. Ой-йо! Архангельская область!.. Расстояние до Питера... Сколько?! 700 км?! Да ну на фиг! Отказать!.. Сразу приобщаем к делу!

³ Начфин Забелин – персонаж из х/ф «Свой среди чужих...», некогда блестяще сыгранный Сергеем Шакуровым.

Купцов смял листок с «агентурным сообщением», придав ему форму комочка, и метко забросил на шкаф. После чего поинтересовался:

– А чего ты там с таким звероподобием строчишь?

– А я, друг мой, в отличие от тебя, работу работаю. – Петрухин крутанулся в кресле и натянул на лицо выражение укоризны. – Потому как: «получать деньги и не служить – стыдно». Цитата. Петр Первый Алексеевич. Царь.

– А вот моя покойная бабушка говорила: «Лучше некрасивая зарплата, чем красивая дыра». А бабушка моя была, как, впрочем, и дедушка... – Леонид не успел дорассказать за достоинства предков, поскольку на столах напарников одновременно заголосили запараллеленные телефонные аппараты.

Первым снял трубку Купцов:

– У аппарата!.. Нет, Аллочка-солнышко, это не Димасик. Это Лёньчик... Ничего страшного... Когда?.. Понял. Не применём быть. Есть... Димасик! Нас с тобой вызывает боссик Брюнетик!

Петрухин поставил точку, запустил текст на печать и с ноткой металла в голосе сказал:

– Еще раз услышу глумление в свой адрес – наябедничаю Брюнету, и он...

– ...и он превратит меня в крысу?

– И он отправит тебя в Каргополь! Отыскивать цельно-стыренный медесодержащий лом!..

* * *

Генерального директора ОАО «Магистраль – Северо-Запад» Виктора Альбертовича Голубкова инспектора застали в состоянии глубочайшей то ли задумчивости, то ли озабоченности. Обычно хозяин кабинета встречал их если не с распростертыми объятиями, то хотя бы с распахнутой дверцей бара. А тут – не то что «водички» не предложил, так еще и проигнорировал с некоторых пор введенную в обиход традицию потчевать друг друга свеженькими анекдотами.

Едва дождавшись, когда внештатные решальщики рассядутся по насиженным местам, Брюнет начал лобово безо всяких прелюдий:

– Вы за убийство Червена в курсе?

– Ежедневный мониторинг прессы входит в перечень наших функциональных обязанностей, – степенно отвечал за двоих Купцов.

– Вот только не разочаровывай нас сообщением о том, что смерть господина Червена стала для тебя невосполнимой утратой. На нем же пробы ставить было негде! – добавил персонально от себя Петрухин.

Виктор Альбертович нервно побарабанил толстыми пальцами по ливанского кедра столешнице и, проигнорировав замечание о суммарном количестве проб, ухнул:

– На самом деле вполне может. Стать... Только не «невосполнимой утратой», а невыносимым геморроем!

– Вы что, были знакомы? – В голосе Дмитрия прорезался интерес.

– Ну, не то чтобы близко, – нехотя ответил Брюнет. – Просто «Квадрига»... Это охранная фирма Червена. Хрен ему между...

– Мерси за уточнение.

– Короче, с начала этого года бойцы «Квадриги» в том числе обеспечивают безопасность на одном из наших объектов в Вологодской области.

– Зашибись! А почему мы с инспектором Купцовым до сих пор не в курсе сей пикантной подробности?

– Просто... Это пока еще не вполне наш... Скажем так – спорный объект... Собственно, потому я о нем и не хотел говорить. До поры до времени.

– А теперь, значит, «пришла пора – она влюбилась»? – выразительно уточнил Петрухин. – Ну, давай, Витя, колись: что там за объект и какой геморрой мы с него можем поиметь?

Брюнет слегка смутился и тяжело выдохнул:

– Тема нарисовалась в конце прошлого года. Ее по своим каналам надыбал покойный Нокаут.

– Купчина! Лично мне уже страшно. А тебе?

Былое смущение начальника быстро сменилось раздражением:

– Да ничего там страшного нет! Всего лишь заурядный спор хозяйствующих субъектов. Прежние владельцы, из местных, вели завод к банкротству. Но возникла одна юридическая коллизия, которой мы решили воспользоваться и вмешаться.

– Я так понимаю: вмешаться путем захода с черной лестницы?

– Хм... Ну, в общем... Примерно где-то так...

* * *

Пока Виктор Альбертович живописал решальщикам особенности национальных способов разрешения юридических коллизий, бредущий коридорами полицейского Главка оперативник Гладышев столкнулся нос к носу со своим коллегой Шафаревичем. Яркая выразительная семитская внешность которого вечно служила предметом шуточек и подколочек со стороны коллег и соседей по особнячку на Захарьевской⁴. Впрочем, у Шафаревича доставало мудрости и терпения не вестись на подобного рода провокации. К слову, «провокации» – абсолютно беззлобные, ибо на самом деле в БэХа-Управлении Аркадия весьма ценили и уважали. В том числе за национально-педантичную вьедливость в делах служебных. Что же касается всего остального – Шафаревич был абсолютно НАШ человек. Отнюдь не кошерную водку потребляющий.

– Георгий Михайлович! Приветствую!

– Здорово, Аркаша. – Смежники поручкались. – Как сам? Как кривая преступности?

– Кривая растет все ниже, – скалабурил Шафаревич. – Кстати! Говорят, тебя можно поздравить? Когда планируешь проставляться?

– По поводу?

– Ну как же! По горячим следам раскрыл убийство Червения. Матерый киллер задержан. СМИ захлебываются от восторга.

Гладышев невесело усмехнулся:

– А-а... Лично я тоже захлебываюсь. От потока словесного дерьма, которым фонтанирует этот «матерый»... Слава вашему Игове, дело у нас забирает СКП. Вот пушай они и разгребают сей навоз мельхиоровыми ложечками.

– Что, глубоко копает убивец?

– Скорее – высоко. Походя, под протокол, промяукал «слово и дело» на депутата Госдумы, на замначальника ОРЧ и на человека за Кремлевской стеной. И отчего-то сдается мне, то не конец истории.

– Даже так? Хм... Ну при таких раскладах... согласен, подобный подарочек лучше скинуть. От греха. Знаешь, есть такая притча? – Еврейских анекдотов, баск и притч Шафа-

⁴ По адресу ул. Захарьевская, 19, располагается Управление экономической безопасности и противодействия коррупции ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Это подразделение до «суперреформы» называлось УБЭП, а еще раньше ОБХСС. Однако – вывеска меняется, бланки переделываются, а этих парней на профессиональном арго по прежнему зовут БэХи.

ревич знал великое множество и мог цитировать их по памяти на любую тему и по любому поводу. – Короче: приходит Мойша к раввину и говорит, что хочет развестись с женой. Естественно, раввин, по долгу службы, берется его отговаривать, и они начинают долго-долго препираться. Под конец спора раввин бросает в сердцах: «Послушай, Мойша! Твоя жена такая красивая, такая приятная. Все знают ее достоинства, а ты ее хочешь бросить, ну почему?» Тогда Мойша снимает туфлю и ставит ее перед раввином: «Ребе, посмотрите на эту туфлю! Это чудесная туфля. Все хотят иметь такую туфлю, но только я один знаю, как эта сволочь жмет!»

Опера отхохотались.

– Другое худо, Георгий Михалыч: прокрученную дырочку для ордена, как ни крути, придется заштопать. Не обидно?

– Это как раз фигня. Наоборот, я трижды перекрестился, когда «бастрыкинские» это дело на себя переписали. Ну а мы свое завсегда балластом доберем. Опять же, не жили богато – не фиг и начинать.

– О! По этому поводу есть еще одна поучительная притча! Слушай сюда! Короче, тяжело заболел старый еврей и в какой-то момент призвал к своему смертному, как ему тогда казалось, одру всех своих детей. А таковых наплодилось без малого...

– Аркадий, дружище! – Гладышев молитвенно сложил ладони на богатырской груди. – Извини, к начальству опаздываю. Другим разом доскажешь, ладно?

– Вот за что я всегда ценю тебя, так это за деликатность. Иной бы на твоём месте просто послал. А ты – с вежливо-уважительной отмазкой.

– Это не отмазка. Просто мне сейчас, вот ей-богу, не до притч. Скорее, до причитаний.

С этими словами Гладышев дружески хлопнул коллегу по плечу и заспешил дальше по коридору.

– Всё равно с тебя обратно простав, – кинул ему вдогонку Шафаревич.

– А теперь-то за что?

– А за счастливое избавление. От непрофильного актива...

* * *

...Брюнет изустно подвел к полуфиналу леденящую кровь бизнес-историю о заходе питерских варягов на берега Шексны, и в начальственном кабинете воцарилась тишина. Решальщики переглянулись – пятничный день, хотя и продолжал оставаться длинным, вот только с этого момента явно переставал быть скучным...

– Леонид Николаевич, – вкрадчиво, не без глумления заговорил Петрухин, – а вам не кажется, что на юридическом жаргоне сие поведенное нам только что действие именуется не иначе как попыткой рейдерского захвата?

– Совершенно с вами согласен, Дмитрий Борисович, – подыграл напарнику Купцов.

Однако Виктор Альбертович шутки юмора не оценил:

– Еще раз! Разжевываю! Специально для скудоумных ментов!

– Протестую! Бывших ментов!

– Тем более! Так вот, прежним владельцам этот заводик на фиг не сдался! Ну обанкротили бы они его, землю перепродали, и дело с концом. А у меня – головное череповецкое производство рядом, в каких-то ста километрах! Да мне этот «Интеграл» – как воздух! Опять же, градообразующее предприятие! Людям стабильность нужна, а я гарантирую сохранение рабочих мест.

– М-да, Витя, ты у нас просто державник-государственник!

– Хорошо изгаляться! В общем, ставлю вам задачу, господа решальщики: задействовать все имеющиеся в распоряжении ментовско-полицейские связи, аккуратно поводить жалом и

выяснить: не собирается ли следствие примерить убийство Червения на споры вокруг «Интеграла»? На первоначальном этапе мне важно понять только одно: да или нет?

– А если придем к выводу – «да»? Тогда что?

– Тогда станем готовиться к визиту непрощенных гостей. Но этим уже займется непосредственно Яна Викторовна. Кстати, прошу держать ее в курсе всех новостей по теме Червения.

– А ху ис Яна Викторовна? – удивился Петрухин. – Что за фемина?

– Яна Викторовна Асеева. Наш юрисконсульт. Вернее – наша.

– Инспектор Купцов! Вы обратили внимание: сколько нового мы с вами узнали о НАШЕМ горячо любимом предприятии? Выясняется, что у нас есть не только секретный объектик на Вологодчине, но еще и собственный юрисконсульт.

Покрасневшие от недосыпа глаза Брюнета гневливо сузились:

– Яна Викторовна сегодня первый день как из отпуска! Поэтому! Я! Физически! Не мог представить вас раньше! И – ВСЁ! Хватит уже этих ваших подколочек! Идите, работайте.

Осознав, что начальник дошел до того эмоционально-пограничного состояния, за которым может последовать неуправляемая ядерная реакция, партнеры синхронно поднялись с мест и молча направились к выходу.

И все-таки, распахивая дверь, Петрухин не удержался:

– Вот видишь, Леонид Николаевич, никакой это не злой умысел – всего лишь недоразумение...

* * *

Тем временем впервые упомянутая при разговоре в начальственном кабинете «Магистрала», равно как во всем нашем повествовании, Яна Викторовна Асеева уверенно держала оборону на очередном судебном заседании арбитражного суда. Более того – буквально в эту самую минуту, полностью измотав противника и принудив его к позиционным боям, сейчас она намеревалась перейти в решительное контрнаступление.

То была высокая, привлекательная, молодая – немногим за тридцать – шатенка с почти идеальной фигурой. В данном случае «почти» заключалось в быть может чутка излишней полноте бедер, выдающих в обладательнице оных женщину рожающую. Хотя, на вкус и цвет... Кому-то, может, и излишне, а кому-то, напротив – в самый раз. И вообще, как оптимистично уверяют женские интернет-форумы, «широкие бедра вкупе с высоким ростом и длинными ногами» в совокупности дают что? Правильно! Сексапильную фигуру Софи Лорен!..

Ну да бог-то с ним, с «сексом»! В смысле – после, позднее «попилим». А покамест в тесном и душном районного масштаба храме Фемиды враждующие стороны продолжали пилить безналичные миллионы и наличные производственные площади.

– У вас всё, Яна Викторовна? – с плохо скрываемой надеждой поинтересовалась пожилая судья. Последние минут сорок тягомотнейшего, без концов и краев, судебного разбирательства всеми мыслями она пребывала на даче, в окружении сданных дочерью на лето внуков. В общем, как некогда высказался один рифмоплет: «Ей в ту минуту было по фиг – тех чуйств, что вызывала в я и в ты».

– Нет, ваша честь.

– Тогда слушаем вас.

– Я прошу приобщить к материалам дела полученный нами документ. – Ухоженными перстами Асеева извлекла из лежащего перед ней портфельчика листок и через секретаря переслала в судейский президиум.

– Что это?

– Копия свидетельства о смерти мажоритарного акционера «Интеграла», экс-директора завода господина Семенова. Обратите внимание на дату! Если сопоставить ее с той, что проставлена на документах, предоставленных господином Бажановым... – Здесь Яна Викторовна метнула выразительный взгляд в сторону оппонента: – Получается, что решение о продаже своего пакета господин Семенов подписывал через три дня после своей смерти.

«Оппонент» – неприятно молодящийся господин лет сорока пяти в модном, легкой помятости синем костюме и с крупной помятости красным лицом взвился со своего места и протестующе замахал руками. Аки та мельница, на которую героически насакивал Дон Кихот.

– Я протестую! Ваша честь, я решительно протестую! Ксерокопия не может рассматриваться как полноценное свидетельство!

– Я принимаю доводы Павла Тимофеевича, – рефлексивно кивнула выдернутая из грез о даче и внуках судья. – Яна Викторовна, оригинал документа имеется?

– Безусловно. К следующему заседанию я буду готова его предоставить.

– Хорошо. Тогда на этом сегодня и закончим. Следующее заседание состоится через две недели... э-э-э-э... шестого июля.

Немногочисленный народец, присутствовавший в зале исключительно по долгу бизнес-службы, загомонил-зашебуршил на выход. Потому как пятница – она не только для пожилой судьи отрада. Пятница – праздник общенародный. Особливо в краткосрочную летнюю пору.

Асеева сложила документы в портфельчик, мельком заглянула в зеркальце и, оставшись более-менее удовлетворенной увиденным, вышла следом за остальными. Оппонент Бажанов проводил ее недобрым взглядом, а затем перекинулся парой фраз со своим помощником – прыщавым юнцом, на самодовольной физиономии которого отчетливо проступали три класса Оксфорда. Впрочем, стоило Павлу Тимофеевичу изменить тональность в сторону недовольства и раздражения, как чопорно-оксфордское выражение тотчас сменилось угодливым церковно-приходским. Юнец часто-часто закивал головой, впитывая начальственные инструкции и присовокупив к оным врученный Бажановым невеликий пакетик, нырнул в дверь, ведущую в святая святых – комнату отдыха судей.

Сам же Павел Тимофеевич бросился догонять Асееву и настиг ее на парковке суда. Аккурат в тот момент, когда юрисконсульт «Магистрали» собиралась укрыться в своей миниатюрной канареечного цвета «шкоде».

– Яна Викторовна! Подождите! Можно вас на минуточку?

Асеева поморщилась, но, притормозив, обернулась:

– Мне кажется, мы с вами сегодня и без того перебрали лимит общения?

– Буквально пару слов! Как говорится, без протокола.

– Хорошо, слушаю.

– Не поделитесь секретом: где вы раздобыли оригинал? Мне думалось, его давно не существует в природе?

– Рукописи не горят, – усмехнулась юрисконсульт «Магистрали».

– С юридической точки зрения, этот афоризм не выдерживает критики. Да и с литературной, кстати, тоже. Вспомните хотя бы Гоголя.

– Вы хотели поговорить со мной о литературе?

– Вовсе нет. Это так, к слову пришлось. А хотел я вам, уважаемая Яна Викторовна, сказать, что даже при наличии подобного артефакта, боюсь, ваши дела отныне все равно обстоят не столь блестяще.

– Меня не интересуют ваши оценочные суждения. Это во-первых. А во-вторых – бойтесь за кого-нибудь другого. За меня – не нужно.

– Тем не менее согласитесь, что убийство господина Червения вносит в наше с вами... э-э-э... опять-таки выражаясь литературным языком, «противостояние» интригующий колорит?

– А при чем здесь убийство Червения?

– Ну как же? В свете той нелицеприятной роли, которую сыграли сотрудники охранного предприятия «Квадрига»...

– А что вы подразумеваете под словом «нелицеприятный»?

– Лично я подразумеваю насильственное воспрепятствование попыткам законного руководства завода приступить к исполнению своих обязанностей.

– Прошу прощения, Павел Тимофеевич, но «законность» того или иного состава руководства я готова обсуждать исключительно «под протокол»!

Бажанов аккуратно пригладил растрепанные ветром жидкие волосишки и как бы доверительно как бы улыбнулся:

– Ох, Яна Викторовна! Не на той... Не на той стороне баррикад хлеб насущный добываете! Решительно не понимаю: как вы вообще можете работать на Голубкова? На человека, выступившего непосредственным виновником всех тех несчастий, что обрушились на вашу семью? Это ж, извините, форменный мазохизм! Знаете, как в народе говорят: «Скажи мне, на кого ты работаешь – и я тебе скажу, кто ты».

Глаза Асеевой сощурились – не то от гнева, не то от ветра:

– А еще в народе говорят: «Ахал бы дядя, на себя глядя».

– Хм... А вы непростая штучка, Яна Викторовна!

– А вы только теперь это поняли, Павел Тимофеевич?

– Нет, не теперь. Но согласитесь, после того как все газеты отписались, что руководитель «Квадриги» застрелен киллером, рабочие завода могут усомниться в чистоте помыслов питерских благодетелей. А если вспомнить, что во времена не столь оные ваш босс носил трогательную кличку Брюнет и проходил по нескольким уголовным делам, картина складывается...

– Павел Тимофеевич! – бесконечно устало попросила Асеева.

– Да?

– Простите меня за подобную неполиткорректность, но... Идите в задницу!

Юрисконсульт «Магистрали» сердито рванула на себя водительскую дверь, нырнула в салон и поставила в споре представителей двух хозяйствующих субъектов внушительную точку-хлопок.

Парадоксально – но факт: в данную минуту непримиримый ее противник и антагонист Бажанов, более известный в определенных нешироких кругах как Паша Дрын, почти восхищался этой женщиной!

Впрочем, эта эмоция довольно быстро улетучилась.

Бизнес и эмоция – вещи вообще плохо сочетаемые.

Тем паче – бизнес криминальный...

* * *

– Вот такой, други мои, приключился карамболь. Со стрельбой, погонями и прочими элементами вестерна. Но самое невероятное-поразительное – это то, что после задержания стрелок не стал юлить. И практически сразу, еще на больничке, сознался, что настоящая его фамилия Дружников. И что начиная с 2008 года он числится в федеральном розыске за убийство. В общем, человек с биографией, – красноречиво подвел черту Челышев и потянулся за минералкой – промочить пересохшее горло основного докладчика.

Несколькими часами ранее решальщики, исполняя данный Брюнетом наказ, обзвонили свои ментовские источники и довольно быстро вычислили, что на убой на Фурштатской, помимо многих прочих официальных лиц, выезжал знакомый им по истории с «травлей Лисы» Жора Челышев. Вот они его и прихватили. В прямом смысле – «за жабры», ибо этим вечером Георгий в кои-то веки запланировал релакс-вылазку в область, на рыбалку. Так что в ресторан французской кухни «Альфонс», что на Загородном проспекте, тот прибыл в полной боевой амуниции. Сиречь – в болотных сапожищах и в костюме цвета хаки, чем заслужил осуждающий взгляд от метрдотеля и полный презрения – от официанта. Вслух халдеи не сказали ничего, так как заведение принадлежало давнему знакомому Брюнета – господину Шепитько.

Примерно с месяц назад решальщики намекнули Голубкову, что неплохо бы заиметь в городе тихое, но симпатичное местечко, в которое можно было бы приглашать для частных бесед разных... условно говоря «интересных людей». Брюнет тогда понимающе кивнул: «Говно – вопрос!» – и вскоре за Петрухиным с Купцовым в «Альфонсе» был до востребования закреплен отдельный уютный кабинетик с бархатными шторами и фривольными, в жанре арт-нуво, репродукциями по стенам.

К слову, хозяин ресторана – Геннадий Юрьевич Шепитько, сколь себя помнил, всегда был неравнодушен к женщинам. Особенно к женщинам не одетым. Собственно, на этой своей страсти он и сколотил первоначальный капитал. Правда, в силу его прежней околокриминальной профессии правильнее было бы назвать заведение «Le souteneur». Однако «Альфонс», согласитесь, звучит все ж таки по красивее и поблагороднее?..

– Дружников... Дружников... – пожевал-попробовал на язык фамилию Петрухин. – Что-то такое до боли знакомое, а?

– Дело об убийстве гендиректора «Барракуды» и его секретарши, если не ошибаюсь? – предположил Купцов.

– Оно самое.

– Как же, помню. Громкая была история.

– Угу. Громкая, – подтвердил Гладышев. – Только закончилась по-тихому.

– В каком смысле?

– А в таком, что всех четверых обвиняемых суд тогда оправдал. За недоказанностью. Самое занятное, что потом из этих четверых: двоих замочили, третий от онкологии сгорел. Ну а четвертый – Дружников – очередную «заказуху» исполнил.

– И в чем тут «занятность»?

– Да я и сам не знаю. В подборе состава присяжных, наверное.

– «Мы приземляем, суд отпускает – как это часто не совпадает», – фальшиво напел Петрухин. – М-да... И что же, этот твой «человек с биографией» прямо с ходу взялся сдавать заказчиков?

– Да мы сами в полном ауте были! Начать с того, что у Дружникова при задержании, помимо ствола горячего, паспорт на другое имя нашли. А к нему в придачу ворох визиток. Где среди прочих непростых, тисненых золотом фамилий сыскалась карточка помощника депутата, некоего Соболева.

– А депутат наш? В смысле – заковский?

– Бери выше! Госдума! Омельчук, от ЛДПР.

– Что-то не помню я депутата с такой фамилией, – вслух задумался Купцов.

– Так их там, в Охотном, рыл пятьсот минимум! Разве всех упомнишь? – разумно предположил Дмитрий. – Ну и чего Дружников?

– Уже к вечеру, как только ему головенку малость подлечили, дал устные показания, что заказчиком убийства выступал Омельчук, а непосредственным организатором – его помощ-

ник. Тот, которого визитка. И при этом добавил, что готов дать соответствующие письменные, если...

– Если что?

– Если его семье заплатят пятьдесят тысяч долларов.

– О как?! – изумился Петрухин. – А талоны на повидло, случаем, оформить не попросил?

– Во-во. Я ему приблизительно то же самое предложил.

– И чего товарищ?

– Отказался. Сказал, что на сладкое аллергия.

– Юморист, однако.

– Одно непонятно: зачем этот «юморист» визитку-то с собой таскал? – подивился Купцов. – Тоже типа для прикола?

– Якобы после убийства Червения он должен был позвонить Соболеву и отчитаться о проделанной работе.

– А у помощника депутата Госдумы что, телевизора дома нет? – съязвил Петрухин.

– Ага, им смешно! А вот лично мне совсем не до смеха было. Когда Дружников такими фамилиями принялся хлестать, что – мама-лёлик! Словно бы ему не директора охранной фирмы, а, минимум, Кеннеди заказали.

– Знаешь, Жора, у меня в практике был подобный случай. Клиент вот также на мокрухе попался, и тоже – разговорился, не остановить. Мы, ясен пень, варежки раззявили, месяца три на отработку ухайдакали. А в итоге – хрен с подсолнечным маслом. Шутником оказался товарищ.

– А мотивация? – не догнал Купцов.

– Мотивация, брат, простая: ему по-любому было садиться. Вот только кантоваться в СИЗО много кошернее, чем на зоне.

Оперативник с сомнением покачал головой:

– Не очень-то Дружников похож на шутника. Я ж говорю: за ним еще по прошлым делам парочка недоказанных ликвидаций висит.

– Слухай, Жора, а вот этот народный герой, который киллера выследил, он что из себя представляет? Я к тому, что в наши дни такое рвение встретишь нечасто.

– Грибков-то? Ну да, мужиком оказался настоящим. Даром что с виду subtilный, соплей перешибешь. Такой, знаете, типичный компьютерный ботан. Мое руководство собирается ходатайствовать, чтобы его к грамоте представили.

– Лучше бы вы его в программу защиты свидетелей включили.

– Ну вы ж понимаете: грамоту дать куда проще, чем...

– А главное – дешевле! – согласился Петрухин. – Ладно, бог-то с ним, с Грибковым. Как говаривал Остап Ибрагимович: «Мебель генеральши Поповой меня интересует, но – меньше...» Значит, никаких вологодских заводиков, равно как упоминания «Магистрали», в семантике дружниковской речи не всплывало?

Гладышев задумался:

– Чего нет – того нет. На замначальника ОРЧ-1 полковника Руднева батон – да, крошил. За депутата Омельчука я уже рассказывал... Блин! Только вы того, не звоните про это дело! Я ж вам так, чисто по-дружески...

– Спокойно, Жора! За кого ты нас держишь?!

– В общем, по Дружникову – это всё, чем могу. За прочими подробностями отныне, слава богу, не ко мне. – Гладышев скосил глаза на часы, присвистнул: – Ой-йо! Времени десятый час, а мне еще сто километров по Приозерке пилить!

– По нынешним пятничным пробкам, вполне может именно он и случиться – «пи-и-лять», – посочувствовал Петрухин. – Посему: не смеем боле! Еще раз спасибо за помощь, Жора! И – ни хвоста тебе, ни чешуи!

– Да не за что. Обращайтесь. Только чтоб не так, как в прошлый раз. Со жмуром-наркоманом.

* * *

– Ну и что вы обо всем этом думаете, инспектор Купцов?

– Я думаю... – Леонид выдержал паузу и покосился на пустой графинчик: – Думаю, что еще по сто пятьдесят не помешает.

– Мудро! Глубко! – похвалил напарника Петрухин и, сунув голову за бархатную портьеру, зычно пробасил: – Барышня!..

Глава вторая

Москва, 29 июня 2011 года, ср.

Чиновник департамента международного сотрудничества Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ Юрий Платонович

Шмаков мог бы зарабатывать неплохие деньги, снимаясь в ведомственной социальной рекламе. По крайней мере, типаж его идеально подходил под укоризненный собирательный образ *«Вот таким он был, пока не начал заниматься спортом!»*. Росточка плюгавенького, тощенький, лысенький, с вечно влажными мягкими ладошками... Такое вот ходячее недоразумение, невесть какими ветрами занесенное в солидное учреждение. Да еще и прижившееся в самом сытом его, в «международном», подразделении. Мало того – «прижившееся» на должность зама! Правда, таковых у начальника департамента Тигунова было целых три. И персонально Шмаков курировал исключительно второстепенные административно-хозяйственные вопросы. Но тем не менее. Помните флотскую шутку про начальника склада?⁵ Вот то-то же...

Правда, окружающие Юрия Платоновича персоны всё равно воспринимали его как классического «клерка в квадрате». То бишь и образом-подобием – шестёрка (пусть и козырная), и характером с душонкою обратно – коллежский ассессор, не более. Знаете, есть такая категория людей, про них еще говорят: «Пролез в ферзи, в душе оставшись пешкой». А коли так – ну ползает этакая вошь по министерским коридорам, да и пускай её. Кстати, если у кого возникнет желание визуально представить себе эту «ошибку министерской природы», рекомендуем пересмотреть рязановский «Жестокий романс». Юрий Капитонович Карандышев в блестящем исполнении Андрея Мягкова – вот это и будет он, наш очередной, не главный, но в какой-то степени все равно герой.

Другое дело, что Карандышев, помнится, был беден аки церковная мышь. И вот здесь ужо подивились бы министерские, поведай им о том, что старательно поддерживающий имидж аскета (в пределах разумного, разумеется) Юрий Платонович Шмаков в миру являлся держателем нескольких банковских счетов в заграничных кредитных учреждениях. На коих счетах к настоящему времени скопилась сумма масштаба если и не «неприличного», но – довольно близкая к тому.

Что министерские? Да прознай о том та же секретарша Тигунова – экс-чемпионка Европы по синхронному плаванию, томная красотка Зоенька Улицкая, – будьте уверены, совсем иначе реагировала бы она на дежурные шмаковские комплименты. С очередной порцией которых в данный момент он и просочился в начальственную приемную.

Просочился, привычно прижимая обеими ручонками к впалой груди потрюханный служебный «дипломатик», приходившийся ровесником чуть ли не Московской Олимпиаде.

– Утро доброе, Зоенька! Выглядите сегодня потрясающе! Ей-богу! Вышедшая из пены Афродита, завидев вас, стыдливо прячется обратно. В пену же. Ну да там ей и самое место. Пока есть вы, Зоенька!

– Здрасте.

– Павел Андреевич у себя?

– Полчаса как. Заходите, он спрашивал про вас.

Шмаков прошуршал к обитой кожей двери, на которой медью отливала табличка «Начальник департамента международного сотрудничества Тигунов П. А.» и, октавно спустившись до полусшепота, поинтересовался:

⁵ Если у начальника склада последняя мышь от голода повесилась, он все равно – начальник склада, уважаемый человек. А не какой-нибудь там «кап-два».

– Как настроение?

В ответ Зоенька выразительно закатила глаза. Демонстрируя, что настроение у босса паскудное.

Юрий Платонович дважды кивнул (сперва понимая, а затем – в знак благодарности за инсайд), вежливо поскреб кожаную обивку, нежно толкнул дверь и, набравши в легкие максимальное количество воздуха, нырнул внутрь.

* * *

Кабинет Павла Андреевича Тигунова более всего походил на миниатюрный музей – эдакая лавка былых древностей и нонешних вкусов. Одних только спортивных самых немислимых форм и размеров кубков здесь насчитывалось едва ли не с полсотни.

Бесконечные стеллажные полки зримо гнулись под грузом подарков от столь же бесконечных делегаций и частных визитеров. Цвет обоев почти не угадывался из-за густо развешанного по стенам декоративного и вполне себе рабочего оружия, равно как от рамок с дипломами, благодарственными письмами, грамотами и фотографиями. Тематика последних, хоть и была художественно-однообразна, должный трепет и уважение внушала. Ибо фотографии числились по разряду: «Я – и еще один (два, три, группа) ВЕЛИКИЙ человек». Ну а так называемый обязательный джентльменский набор в кабинете был представлен тремя ростовыми портретами: премьер-министра – в кимоно, патриарха – в парадном облачении, но без скандально известных часов и Виталия Леонтьевича Мутко⁶ – в «зенитовском» шарфике. К слову, сам Павел Андреевич таковой шарфик-близнец периодически повязывал. Хотя и втайне болел за ЦСКА, будучи миноритарным акционером этого футбольного клуба. Через подставное, разумеется, юрлицо.

– Мне доложили, что 21 числа тебя не было на коллегии! – не мешкая, врезал Тигунов. – В итоге Гаврила отдувался в одиночку и, как говорят, имел весьма бледный вид.

– Так я же в Питере был! С инспекционной комиссией ФИФА! – взялся оправдываться Шмаков. – Согласно графику мероприятий заявочного комитета мирового первенства.

– Да хрена ли там инспектировать? Бюджеты знай себе пиятятся, но ни фига знай себе не строится. Они хоть чашу-то возвели? Или всё котлован роют?

– Возвели. Частично.

– Вот-вот. В 2006-м начали и до сих пор «частично». Стройка, бля, века! Да за это время и за эти деньги можно было БАМ построить!.. Ладно, давай докладывай по текучке.

– Вот, Пал Андреич, – Шмаков вытянул из файлового кармашка распечатку и предъявил к начальственному обозрению, – здесь предлагаемый состав делегации на поездку в Брюссель. С Кружилиным и Понизовским согласовано.

«Пал Андреич» – крупный, породистый, спортивного (должность обязывает) телосложения, все еще интересный для своих пятидесяти пяти лет мужчина, с некоторой брезгливостью сграбастал листок, положил перед собой и подслеповато зашарил по гигантских размеров столу в поисках очков.

Уточнив по ходу дела:

– Это к презентации студенческой универсиады в Казани?

– Так точно.

– С Понизовским, говоришь, согласовал?

– Так точно.

– И чего? Хочешь сказать, он никого из своих не добавил?

– От Понизовского – позиции седьмая, девятая и двенадцатая.

⁶ На момент описываемых событий – министр спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации.

Тигунов заскользил глазами по списку:

– Так... «Седьмая»... «Клейн»... Ну это понятно... «Девятая»... Хм, ну допустим... А «двенадцатая»?.. «Калашова Анна Валерьевна». Не понял? Это что за Анка-пулеметчица?

Юрий Платонович смущенно потупил взор, потому ситуация возникла крайне деликатная: с одной стороны – сдавать с потрохами новую пассию Понизовского вроде как не комильфо. Но с другой – ежели умолчать теперь, а впоследствии шеф узнает, откуда на самом деле выросли эти девичьи ноги («Ох и ноги, братцы! Кабы вы знали, какие там ноги!»), мало не покажется в первую очередь ему, Шмакову. И только потом – страстному любителю юниорок Понизовскому.

Засим Юрий Платонович подсобрался и волево исторг из себя нежелаемое, но неизбежное:

– Калашова Анна Валерьевна. Бронзовый призер прошлогоднего чемпионата России по художественной гимнастике. Очень... хм... перспективная девочка... Подает, так сказать, надежды. В большом спорте.

– Чего ты мне тут «му-му» жуешь?! «Перспективная»? Я тебя русским языком спрашиваю: ОТКУДА она взялась?!

– Вот честное слово! Я не в курсе! Правда, ходят по министерству разговоры...

– Вот! Уже теплее! Какие разговоры?

– Павел Андреевич! Мне не хотелось бы...

– Твою мать! Мне насрать, чего тебе хотелось, а чего нет! – рывкнул Тигунов. – НУ?! КАКИЕ РАЗГОВОРЫ ХОДЯТ?

– Что эта Анна Валерьевна – она... э-э-э-э... знакомая Владислава Константиновича. Новая знакомая, – сдал пароли и явки Шмаков.

«А куда деваться-то?»

– Понятно! В большом спорте надежды пока подаёт, но Владиславу Константиновичу уже всюю даёт!

Начдеп расхохотался было, но тут же посуровел, ощутив болезненный укол ревности. Так как и сам был равнодушен к представительницам данного вида спорта.

Ох уж эта ревность! По сути, то была единственная эмоциональная заноза в задубелой, закаленной подковерными, кабинетными и прочая сражениями толстенной тигуновской коже. Своего рода «ахиллесова пята», в которую уже неоднократно клевала жареная птица. Причем в самый последний раз – более чем болезненно...

– А персонально меня в известность поставить этому чемпиону по чемпионкам, значит, уже запахло?!

В ответ на риторический вопрос Шмаков неопределенно передернул плечами. Дескать, не моего это ума дело.

– В общем, так: Калашову на хрен вычеркиваем. – Дорогуший «Паркер» Павла Андреевича безжалостно вымарал имя бронзовой призерши. На ближайшую перспективу оставив оную без брюссельской и прочей капусты. – Мала еще. Пускай годик-другой бескорыстно пососет, «художественно». Вместо нее на двенадцатую позицию оформишь... – Тигунов покопался в ящике, ссыпал на стол ворох визиток, далеко не сразу вычленил искомую и заслал Шмакову картонный прямоугольник: —...Оформишь вот этого человека. Мобильный там имеется. Так что звони прямо сегодня, выясни паспортные данные и все что нужно для оформления. Уяснил?

– Так точно.

– А Владиславу Константиновичу от моего имени передай, что в Брюссель мы летим работать, а не блядовать. А если этому пылкому влюбленному на службе недостает секса, пущай, не стесняясь, идет прямо ко мне. В любое время. Чем-чем, а сексом я его обеспечу. По самые гланды... Вот так и передай. Уяснил?

Вместе с кивком шмаковской головы в кабинете моргнул и погас свет.

– ЗО-О-Я! – громыхнуло раскатистым басом начальственное и в высшей степени злое. – ОПЯТЬ?!!!! КАКОГО ХРЕНА?!!!!

На затухании басовых нот свет включился, а в кабинет влетела едва не плачущая секретарша:

– Павел Андреевич! Ну а я-то что могу поделывать?!!

– Ты в «Мосэнерго» звонила?

– Звонила. Три раза на той неделе звонила.

– И что?

– Я ведь уже вам докладывала! Отведенных на здание мощностей перестало хватать. Жара вторую неделю стоит, в каждом кабинете кондишены на полную работают. Плюс у всех компьютеры, оргтехника, электрочайники.

– И что теперь? Из-за чьих-то чайников я всякий раз буду терять важнейшие документы? – Тигунов сердито кивнул в сторону ноутбука. – Вон снова перезагружается. А у меня там, между прочим...

Павел Андреевич не договорил, вовремя сообразив, что на момент перепада напряжения в компьютере были развернуты всего лишь недоразложенный пасьянс «Паук» и папка с приватной фотосессией новой пасии.

– Я сейчас к вам компьютерщика пришлю! Он все восстановит!

– Не надо ко мне никого присылать! Я хочу, чтобы просто ничего не отключалось. Ясно?! Ну не Чубайсу же мне звонить, в самом-то деле?! Если, как ты говоришь, дело в кондишенах, срежьте их к чертовой матери! В конце концов, у нас министерство, а не пятизвездочный отель «все включено»! И чайники эти электрические долой! Переняли, понимаешь, голимую совковую моду: по пять раз на дню чай хлебать! Чего бы не делать, лишь бы ни хера не делать!.. Ты меня поняла?!

– Да, – жалобно всхлинула Зоя.

– Свободна.

Секретарша выскочила из кабинета словно ошпаренная. Из тех самых злополучных чайников.

– А ты чего лыбишься? – резко обернулся начальник к Юрию Платоновичу. Ему не понравилась кривая усмешка, спрятавшаяся, как ему показалось, в углах губ подчиненного. – По-твоему, это смешно?

– А я что? Я, Павел Андреевич, ничего! – истово открестился Шмаков.

– Двадцать первый век на дворе! Столица, мля! Госучреждение! А электричество гаснет как во времена лампочек Ильича!.. Так, ладно. На чем мы с тобой остановились?

– Оформить на двенадцатую позицию.

– Хорошо. Будем считать, что с этим всё... Хотя погоди-ка! Персональный список – это понятно. А где общая смета?! Цифири, я тебя спрашиваю, где?!

Если предыдущая ситуация была деликатной, то вот возникшая оказалась – «деликатней некуда». Направляясь к шефу, Юрий Платонович очень надеялся, что разговор «про цифири» не всплывет. Собственно, сама запрашиваемая смета у Шмакова на руках имела. Вот только то был черновой ее вариант, в кой он еще не успел внести небольшие коррективы. С учетом персонального интереса.

– Да-да, совсем забыл, извините. – Шмаков сунул руку под стол, куда, усаживаясь, определил свой «дипломат», на ощупь выцепил нужную бумагу и переадресовал шефу. – Здесь практически полная калькуляция по поездке. Единственно – без учета представительских расходов.

Начальник по диагонали просмотрел столбики цифр, сопровождаемые пространными пояснениями и сносками, и уперся взглядом в конечное «итого». Нехорошо так уперся.

– Платоныч! А вы там, у себя, в эмпиреях-бухгалтериях, с нулями не зарапортовались? Это ж сколько на круг в килобаксах выходит?

Шмаков чего-то подобного ожидал, а потому с ходу принялся выкладывать козыри из числа домашних заготовок:

– Павел Андреевич! Но ведь мы расширили программу пребывания до четырех дней! С учетом возможного визита Премьера!

– Если Премьеру эта твоя «калькуляция» на глаза попадется, он нам с тобой такую презентацию устроит!.. Да у нас на такие бабки федерация дзюдо может три месяца безбедно существовать! А какого-нибудь триатлона – так вообще три года! Если не дольше!

– Да, но вы сами говорили: «дело государственной важности», – дав слабину, интонационно обиделся Шмаков. – Вот и Президент на последнем Общественном совете высказывался в том плане, что...

– Платоныч, не зли меня! А то я сейчас тоже... выскажусь! В общем, так: смету пересчитать! Состав делегации сократить в полтора раза минимум! Если хочешь, можешь начать с себя.

Дверь в кабинет приоткрылась, и в нее осторожно просунулись: сперва Зоины кудряшки, затем внушительный бюст, а опосля и она сама – целиком и во всей красе.

– Прошу прощения! К вам Куркаев. Попросить, чтобы обождат?

– Пусть заходит! Все, Платоныч, свободен. Иди, работай. Завтра я убываю в Ганновер, вернусь в понедельник. Сразу по возвращении – доложишь. ОК?

– Так точно, Павел Андреевич.

– Вот и ладушки.

Шмаков засуетился на выход и в суетливости своей едва не угодил под тяжеленный пресс в образе и подобию входящего в кабинет господина Куркаева. Но в последнюю секунду комодообразный референт шефа милостиво ушел от стыка плечо в плечо – в противном случае последствия для Юрия Платоновича могли оказаться весьма плачевными.

А как вы думали? Бывший чемпион мира по вольной борьбе – это вам не енот напоскал!..

* * *

Славная спортивная биография Руслана Куркаева стартовала вскоре после распада Советского Союза. А свой непростой жизненный путь он начинал в Санкт-Петербурге, который на тот момент только-только перестал носить имя Ленина. Времена то, как многие помнят, были не былинные, но лихие. Так что нет ничего удивительного в том, что спортивная карьера Руслана развивалась параллельно с карьерой «бойца по найму» в одном из ингушских бандитских коллективов, вахтенным методом трудившихся на берегах Невы.

Надо сказать, что в девяностые Куркаеву крупно повезло. Причем дважды: во-первых, титаническими усилиями он сумел выгрызть для себя мировое чемпионское золото, а во-вторых – умудрился выжить в бесконечных гангстерских войнах. И это еще большой вопрос: что в конечном итоге далось ему труднее?

Ну да как выразительно сказал отрицательный киногерой: «То было на Пасху»⁷. В смысле – давно, хотя и взаправду. С тех пор Куркаев окончательно и бесповоротно перекалифицировался в респектабельного, серьезного господина со всеми сопутствующими статусу оного признаками – защищенной диссертацией, родовым поместьем, квартетом сопливых наследников и неизменно радушным приемом в высоких кабинетах. Впрочем, ветераны

⁷ Фраза принадлежит злодею Фоксу из «Места встречи...». Дословно: «А это ещё ничего не доказывает, начальник. Я действительно припоминаю, я пил с Ларисой вино „Кюрдамюр“, но это было на Пасху».

организованных преступных сообществ в Санкт-Петербурге до сих пор помнили Куркаева отлично. Причем многие из выживших мафиози при упоминании этой фамилии инстинктивно потирали скулы.

Из Питера в столицу Руслана перетащил лично Тигунов. Перетащил, официально оформив экс-чемпиона на необременительную ставку референта. Об этой своей рабочей нагрузке Куркаев смутно вспоминал два раза в месяц, когда на банковскую карточку ему капали: сначала министерский аванс, а потом и министерская же зарплата. И то и другое – в принципе, копейки. Зато все остальное время Руслан негласно исполнял обязанности телохранителя Тигунова, а также «человека по особым поручениям». А точнее будет сказать – «по особому рода поручениям». И вот здесь уже фигурировали денежные знаки с гораздо большим количеством нулей.

– Ну как там в Питере? – тревожно спросил Павел Андреевич после того, как они с «референтом» остались в кабинете одни. – Ты, вообще, когда вернулся? Почему не позволил?

– Вот только-только с самолета. И сразу к вам. Подумал, по телефону лучше не стоит.

– Тоже верно. Удалось повидаться?

– Да. Правда, пришлось из своих денег лишнюю штуку выложить. За информацию.

– Да погоди ты со своей штукой! Сперва давай о деле. Что стрелок?

– Думаю, оснований впадать в панику пока нет. По крайней мере, Дружников ведет себя правильно.

– Что в твоём понимании «правильно»?

– Включил дурака, тянет время, – объяснил Руслан. – Опять же, с визитками вы классно придумали. По ходу, менты купились на эту залепуху.

– Как купились, так и раскупились! – нервно среагировал на неуместный оптимизм подчиненного Тигунов. – Ты чё думаешь, там одни лохи сидят?.. Ититская сила! Это ж надо было вписаться в такой блудняк?! По твоей, между прочим, милости!

– Пал Андреич, но вы же сами...

– ЧТО я же? Ты мне что тут впаривал? «Стрелок реально матерый!.. Да ему это как два пальца!..» И чего в результате? Да, ДВА! Засунули ему менты эти самые пальцы аккуратно в жопу.

– Но кто мог знать, что так получится? – насутился Руслан. – Если б не этот мудила-свидетель...

– Вот-вот! «Если бы не кабы, хорошо было бы!..» Что говорит адвокат?

– Обещает сделать всё невозможное. Я его конкретно простимулировал, так он теперь на седьмом небе от счастья. Сегодня вечером у них встреча, на которой Дружников получит разработанные нами инструкции.

– Ну дай-то бог. Чтоб все оно так и было. – Тигунов натужно потер виски и невольно покосился на портрет Патриарха, словно бы прося поддержки. К слову – небезосновательно. Учитывая, сколько бабла за эти годы он перетаскал по первому требованию (оно же – «зов сердца») преподобного пресс-секретаря Московской епархии. – Руслан! А про этого долбаного свидетеля удалось что-нибудь выяснить? Это точно никакая не провокация?

– Абсолютно, – уверенно кивнул Куркаев. – Совершенно левый чувак. Действительно проходил мимо, ну и... решил, блин, поиграть в Тимура и его команду. Короче, чистой воды форс-мажор.

– Да уж, форс-мажор! – оскалился Тигунов. – Из разряда «подкравшийся песец»!

Павел Андреевич перевел взгляд с живописного Патриарха на не менее живописного Премьера, горько вздохнул и потянулся к бару. Все правильно: какой же Большой Спорт – да без допинга?!..

Санкт-Петербург, 29 июня 2011 года, ср.

Этим утром Петрухин заскочил в контору буквально на пару минут – лишь для того, чтобы выгрести из сейфа энное количество купюр, черным кэшем выделяемых решальщикам на опер-расходы. На закономерный вопрос Купцова: «Что за шум, а драки нет?» – Дмитрий напустил туману и витиевато высказался в том духе, что, мол де, надо «максимально швыдко одну темку прокачать».

Надо так надо. В конце концов, не сторож был Купцов собрату своему. К тому же внезапно свалившееся на голову Леонида кабинетное одиночество пришлось как нельзя кстати. А все потому, что накануне он приобрел диск с долгожданным «Duke Nukem Forever». Первый, кстати сказать, в своей потребительской жизни лицензионный, а не «пиратский». Из коего действия следовало, что благосостояние Купцова пускай и не стремительно, но росло.

Вот он, после ухода Петрухина, и оттянулся по полной, педантично преодолев за какие-то два с половиной часа четыре с непривычки тяжелейших начальных уровня. Когда же стрелка настенных часов перевалила за полдень, а на экране монитора героический «мсье Дюк», уничтожив несколько десятков коконов, сгрузился на ледовую арену и уперся в злодейку-Королеву (согласно правилам, этой стерве следовало непременно вырвать язык), в дверь кабинета решальщиков некстати постучали.

– Входите! Не заперто! – без отрыва от игрового процесса очень негостеприимно прокричал Купцов.

В следующую секунду с уточняющим «Разрешите?» в кабинет вошла...

«О, боги!»

Вошла доселе не знакомая ему женщина!

И – КАКАЯ женщина!

– Гутен таг! – оторопело прошелестел Леонид. В оторопи своей отчего-то перейдя на базовый школьный немецкий. – Вы... вы ко мне?

– Господа инспектора Петрухин и Купцов здесь обитают? Я не ошиблась?

– Э-э... Нет, не ошиблись... Собственно, Купцов – это я... А господина Петрухина я послал... э-э-э... на задание.

– Вы не могли бы уделить мне пару минут? Тем более что вас, кажется, все равно убили?

– В каком смысле?

Вместо ответа «и-какая-женщина» выразительно кивнула в сторону висящего на стене зеркала. Где, оказывается («Блин! Надо срочно перевесить!») отчетливо отражался кусочек купцовского монитора. Как раз сейчас там, на экране, злодейка-Королева оттаптывалась на «мсье Дюке», вытягивая из того жилы и высасывая душу. И это, пожалуй, было весьма символично, учитывая охвативший Леонида Николаевича трепет: очень уже ему глянулась незнакомка. С первого взгляда – глянулась.

– Извините, с кем имею честь? – вспомнил о вежливости Купцов, шустро свернув злополучную кровавую картинку.

– Асеева. Яна Викторовна. Юрисконсульт «Магистрали».

– Чертовски... хм... ангельски приятно. Купцов. Леонид Николаевич. Присаживайтесь. Может быть, кофе?

– Нет, спасибо, – отказалась юрисконсульт, усаживаясь напротив, в свободное петрухинское кресло. – Виктор Альбертович сказал, что поручил вам собрать сведения по убийству Червения.

– Есть такое дело. Да. Мы сейчас довольно плотно этим занимаемся.

– Я это заметила, – уголками губ улыбнулась Асеева. – И как успехи? Удалось что-нибудь выяснить?

Купцов перебрал в мозгу несколько вариантов масок и остановился на выражении интригующей многозначительности:

– Кое-что есть. Дающее основания полагать, что к истории с «Интегралом» данное убийство, похоже, отношения не имеет.

– Звучит обнадеживающе. Поделитесь соображениями?

– Если не возражаете, чуть позже? Надо бы проверить и уточнить еще пару моментов. Э-э-э-э... Собственно, именно за этим я Дмитрия Борисыча и отправил.

– Ну хорошо. Буду с нетерпением ждать окончательных результатов вашего расследования. – произнесла Асеева таким тоном, словно бы давала понять, что на раз-два раскусила Купцова. – Да, и еще одно: я почему-то не нашла в базе ваших персональных данных. Вы уже были в кадрах?

– А разве это обязательно? У нас с Брю... с Виктором Альбертовичем изначально достигнута договоренность, что мы работаем, так сказать, неофициально.

– Я в курсе, что вас оформили по договорам подряда. Но паспорта все равно нужны. Так что в ближайшее время потрудитесь зайти ко мне. Вместе с «подчиненным».

– Будет исполнено!

Яна Викторовна поднялась, машинально разгладила узкую юбку. Вкусно подчеркивающую аппетитную округлость бедер.

– Тогда у меня все. Приятно было познакомиться.

– Как? Вы уже... Яна Викторовна!

– Да?

Купцов замялся, лихорадочно соображая, как правильнее себя повести.

И не нашел ничего умнее, нежели брякнуть:

– А ведь мне, по долгу службы, тоже давно следовало с вами... хм... побеседовать.

– Даже так?

– Видите ли, мы с инспектором Петрухиным в этом месяце проводим профилактические плановые беседы со всеми сотрудниками руководящего звена.

– Ах, как интересно! – лукаво прищурилась Асеева. – И о чем же беседы?

– Это... это чистой воды формальность. Которую совсем необязательно исполнять именно в этих стенах. Так что мы с вами можем как-нибудь вечерочком после работы сходиться куда-нибудь. Выпить по чашечке кофе, ну и...

– С этого места поподробнее, пожалуйста! Ну и?

– Н-не знаю, – смутился Купцов, кляня себя за пошлейшую тактику захода на приглянувшийся объект. – Просто пообщаемся. О работе.

– Знаете, Леонид Николаевич, у меня есть одна дурная привычка: о работе я общаюсь исключительно на работе.

– Извините.

– Ничего страшного, – снова улыбнулась Асеева.

И направилась к двери.

– Яна Викторовна! – полетело ей вслед отчаянное.

– Леонид Николаевич?!

– А вы... Вы случайно не в курсе, почему на охрану вологодского объекта, который «Интеграл», выставили стороннюю охранную фирму? У нас ведь, насколько я в курсе, по штату и своих бойцов с избытком?

Юрисконсульт задумалась, ответила не сразу:

– Доподлинно мне сие неизвестно. Думаю, причина кроется в приятельских отношениях Виктора Альбертовича с депутатом Госдумы Омельчуком. Но это – сугубо мое частное мнение.

– А какая тут связь?

– А вы на досуге поинтересуйтесь составом учредителей «Квадриги». Или поручите это дело вашему «подчиненному». Всего доброго.

Леонид проводил юрисконсультшу пожирающе-раздевающим взглядом.

И едва только дверь за ней закрылась – восхищенно выдохнул:

– Какая женщина! Вах! – Но тут же обеспокоенно добавил: – Только бы Петрухин раньше времени не пронюхал!

Получилось – почти в рифму...

Москва, 29 июня 2011 года, ср.

После разговора с Русланом на душе у Павла Андреевича малость отлегло, а от принятого на грудь «допинга» потеплело. Вот только тревога все равно не отпускала.

Изначально сырой, основанный более на эмоциях, нежели на здравом смысле, план на проверку предсказуемо обернулся лютым «геморром» и повлек за собой худшие из всех возможных последствия. И чем всё это теперь завершится – одному чёрту известно! Чёрту и – плоть от плоти его – Следственному комитету господина Бастрыкина. Неформальные личные отношения с которым у Павла Андреевича до сей поры толком так и не сложились. Хотя он и предпринял в этом отношении все мыслимые и даже некоторое количество немислимых шагов. Предпринял, заметим, не от хорошей жизни...

А началось с того, что от более земных и доступных, а потому – влегкую прикормленных сотрудников низовых подразделений СКП Тигунову стали поступать нехорошие сигналы. Просуммировав и проанализировав которые, вывод напрашивался один – в недрах его департамента завелась крыса, методично сливающая компру на директора. Причем утекающая информация носила характер сверхконфиденциальный: то бишь доступ к ней имели от силы человек пять – семь, редко больше. Из чего следовало, что крыса вхожа не в круг, но – кружок избранных, самых доверенных лиц Тигунова. И вот это действительно была – ПРОБЛЕМА!

Проблема, которой следовало заняться в наипервейшую очередь! Звероподобно! Не жалея денег! Не стесняясь в выборе методов и средств! Дабы – неблагодарную крысу к ногтю, а персональную карму – на внеплановую очистку! Специалисты по очистке таковой имелись. Собственно, именно их ростовые портреты и были представлены сейчас в кабинете Павла Андреевича. И что же вместо этого сотворил Тигунов? Он, человек, у которого по отношению к интригам всегда наличествовал буквально сверхъестественный нюх? Тьфу, стыдно даже сказать! Так как, вместо грамотной организации внутреннего расследования, Павел Андреевич, будучи в очередной раз ослеплен вспышкой всепомутняющей ревности, замутил-заварил совсем другую кашу. На расхлебывание коей уже потратил гигантскую сумму не денег – финансов!

А сколько придется потратить еще? И это с учетом, что стопроцентной гарантии выбраться из сей блевани безукоризненно чистым всё равно не было. Да кабы еще стопроцентной! В сложившихся обстоятельствах расклад «фифти-фифти» – и тот смотрелся чересчур оптимистичным! Ну а самое главное – было бы из-за кого карьеру, жизнь ломать! А то – из-за Машки! Маша-Маша, три штукаря – и наша!..

Маленькая похотливая дрянь! Шлюха с большими оленьими глазами и маленькими коровьими мозгами! Да через того же Понизовского он запросто мог дюжину-другую юниорок – хошь иметь, хошь просто поиметь. Причем всех размеров, возрастов и оттенков, на любой вкус. Так ведь нет – повелся на гламурную сучку!

Тьфу!..

...Павел Андреевич Тигунов являлся типичным представителем штурмовой бригады питерского десанта, некогда высадившегося на берегах Москва-реки. Эпическо-батальному размаху коего позавидовал бы сам автор «Спасения рядового Райана» господин Спилберг.

Закончив в 1981 году тренерский факультет Института физической культуры имени Лесгафта, молодой специалист Тигунов получил распределение на преподавательскую работу в районную ДЮСШ и был поставлен на самую скучную детско-сопливую группу. Казалось бы: ниже, окромя как в школьные физруки, и падать некуда... Однако Павел Андреевич не упал, равно как в уныние не впал. Он и сам чемпионом ни разу не был, и новую плеяду таковых за относительно недолгую тренерскую службу не взрастил, однако по этим поводам никогда особо не переживал и не заморачивался. Его персональные интересы лежали вне биатлонных трасс и стрелковых рубежей – спорт увлекал его исключительно как бизнес. Притом что последнее слово по тем временам звучало почти как ругательное.

Примечательный факт: советский спорт, вплоть до развала Союза, формально считался любительским, однако же отдельные функционеры от спорта умудрялись решать деловые вопросы с такой капиталистической сноровкой, что в этом деле им мог позавидовать любой западный профессионал. Пройдя через суровую школу секций, сборов и соревнований, оттянув лямку в спортроде и в спортинституте, Тигунов неплохо изучил сию «кухню». Вот именно с нее – причем в буквальном смысле этого слова – он и начал делать свой первый, но отнюдь не маленький гешефт.

Уж не знаем как теперь, но в те благословенные годы спортсменам (и детям, и взрослым) в обязательном порядке полагались талоны на питание. Причем не простое, а усиленное. То бишь в рацион спортсменов входили не только заурядные «щи да каша», но и, к примеру, шоколад с икрой. Которые в эпоху «развитого дефицита» вполне могли быть причислены к товарам стратегического назначения. По этой причине у тренеров – тех, которые с головами, – таких вот талонов скапливалось великое множество. Измеряемое если не дорожными чемоданами, то, минимум, представительскими «дипломатами». Талоны эти служили своего рода валютой и имели хождение почти наравне с пресловутыми внешпосылторговскими чеками. А все потому, что при наличии своих людей в спецбуфетах и спецстоловых их влегкую можно было обменять – но не на тарелку готового блюда, а на какой-либо из входящих в его состав ингредиентов. Например, на тушку красной рыбы. Или палку колбасы. Или баночку заморских ананасов. Накопить же талоновый излишек было проще простого, ибо процесс их выдачи был четко прописан и регламентирован. Например, спортсменам и судьям, прибывшим на соревнования и сборы в установленный срок до 16 часов, талоны на питание выдавались полностью на весь день, а вот прибывшим после 16-ти – не полагались вовсе. Понятно, что никто у ворот базы с секундомером не стоял и даже не собирался. Посему, чтобы получить «продуктовую валюту» на команду, а затем отразить время массового заезда с хотя бы пятиминутным опозданием к часу «Х» – для этого не требовалось даже специального высшего образования.

К слову, о валюте: то был еще один клондайк, из которогомышленные тренеры успешно черпали золотой песок. Не секрет, что получить ее за спортивные выступления за рубежом, кроме так называемых суточных, без специального разрешения было практически невозможно. Да и за те же суточные еще следовало серьезно побороться. А всё потому, что промеж спортивных чиновников существовало негласное правило выдавать своим подопечным на руки не более трети от отпускаемой валютной суммы (примерно по 5—10 долларов на нос)⁸. Остающиеся же «излишки» по возвращении в Союз сдавались «куда надо», попутно дербанясь «кем надо».

В общем, неудивительно, что на подобных околоспортивных схемах Павел Андреевич скоро сумел не только многократно улучшить материальное положение, но и обзавестись обширнейшими связями – как среди партийного чиновничества, «принимающего нужные

⁸ Тема была предельно проста: суточные выделялись из расчета на полноценную кормежку в зарубежных поездках, между тем, как правило, спортсменов обеспечивала питанием принимающая сторона.

решения», так и среди представителей зарождающегося в стране предпринимательского класса, способных «нужные решения» покупать.

В начале девяностых Тигунов очень грамотно примкнул к команде первого питерского мэра Собчака, став его внештатным советником по вопросам развития массового спорта. Должность была ни к чему не обязывающей, однако же позволила запустить мозолистые спортивные ручонки в бюджет грядущих Игр Доброй Воли-94. На организации коих очень многие серьезные люди городка сделали столь же серьезные состояния. Павел Андреевич в данном случае исключением, естественно, не стал. Тем более что к тому времени у него сложились конструктивнейшие отношения с «тамбовским» коллективом, руководящую вер-хушку которого составляли все те же лесгафтовские питомцы. Именно с «тамбовцами», но уже при следующем мэре, Тигунов неплохо потрудился на ниве подготовки города к Чемпионату мира по хоккею-2000. Того самого, который рядовыми болельщиками принято считать провальным, но о котором отдельные представители местных бизнес-структур до сих пор вспоминают с ностальгической теплотой. Здесь – по аналогии со стариком Фуксом, мечтательно закатывавшим глаза при воспоминании о том, как он «сидел при НЭПе».

В 2005 году, в рамках продолжающейся масштабной оккупации питерцами столичных земель, Павел Андреевич легко и непринужденно десантировался в Москву, выпрыгнув из обшарпанного кабинетика сопредседателя фонда поддержки «чего-то-там-ветерано-спор-тивного» и приземлившись прямехонько в роскошный особняк Минспорттуризма. Столь головокружительная карьера была абсолютно предсказуема и прогнозируема, поскольку в среде спортивных функционеров он давно проходил по разряду бойцов проверенных. Слывя человеком, на которого всегда и в любой ситуации можно положиться: будь то организа-ция договорных матчей/схваток, будь то внеочередное получение званий кандидата/мастера, будь то лоббирование кандидатур тренеров, психологов, врачей и прочая в сборные. И если применительно к Петрухину с Купцовым термин «решальщики» носил скорее ироничный оттенок, то вот Тигунов действительно таковым являлся – Решальщиком с большой буквы «РРР-ррры».

Не прошло и пары лет, как Павел Андреевич занял кресло директора международного департамента. А еще через годик, как выяснилось в дальнейшем на беду свою, он встретил на одной из светских вечеринок Машу Свешникову. Чтоб ей! И так – десять раз подряд! С особым цинизмом!!!

Оно, конечно, чего греха таить – по сравнению с юниорками Маша была именно что «Марья-искусница». Она же «Марья-изобретательница» и «Марья-ненасытница». Каждая ночь с которой – как в первый раз. И всякий последующий первый – не похож на преды-дущий. А как сладко «пела» медовоголосая! У-у-у-у! Особенно в первые минуты пост-сои-тальной неги! Вот он и наслушался альковных сказочек, уши развесил. Ну как же: «Я от актера Дедушкина ушла, я от банкира Бабушкина свалила, я депутата Зайцева кинула, я спортсмена Волкова бортанула – а всё потому, что к тебе одному спешила... Павлик, лисе-нок мой, я ваша навеки!» Шахерезада, блин!..

И чего мы теперь, после тысячи и одного траха, имеем в сухом остатке?

А имеем мы: «шах» – упало, «хер» – пропало, что осталось на трубе?

Правильно, она – полная задница!..

* * *

Захваченный не самыми веселыми мыслями Павел Андреевич не сразу почувство-вал, что с какого-то момента в кабинете, оказывается, был не один: в приоткрытых дверях, тихонько переминаясь с ноги на ногу, стоял Шмаков. Деликатно ожидая, когда на него, нако-нец, обратят начальственное внимание.

– Твою медь, Платоныч! – вздрогнув, выругался Тигунов. – Ну ты меня и напугал! Какого хрена ты тут?

– Прошу прощения!

– Чего тебе?

– Извините, я... Я у вас «дипломат» забыл.

Начдеп немного пришел в себя и уставился на зама с нескрываемым презрением:

– Шмаков, тебе сколько лет?

– Сорок три.

– Всего-то? А ведь уже давно пора таблетки от склероза принимать. Это который раз на моей памяти ты свой чумодан теряешь? Четвертый? Или пятый?

– Не помню.

– Вот я и говорю – склерозник! – констатировал Тигунов и, окончательно успокоившись, сменил интонацию на отечески-нравоучительную: – Спортот тебе надо заняться, Платоныч. В качалку походить, в бассейн. В таком министерстве работаешь, а выглядишь как... Вон возьми хоть того же блядуна Понизовского: мужику сорок семь, а он до сих пор штангу в 75 кг жмет! А! Каково?!

– Да-да, согласен.

– Что «да-да»? Он – жмёт, а ты – жмёшься! Вот и получается, как в той сказке. Было у начальника три зама: двое – сильных, а один – слабак.

– Я понимаю, Павел Андреевич, – виновато подтвердил Шмаков. – Вот честное слово, я и сам...

– Ни хрена ты не понимаешь! Короче, так: чтобы завтра пошел и куда-нибудь записался. Хоть на фитнес, хоть на плавание. В понедельник вернись – вместе с калькуляцией покажешь абонемент. Ясно?

– Так точно.

– А теперь забирай свой портфель и вали. Мне, в отличие от тебя, работать нужно. Золото для страны добывать! Честь флага отстаивать! Хотя... отстоишь его, как же, с такими-то подчиненными.

Юрий Платонович поспешно нырнул под стол, подхватил свой «дипломатик» и, смешно пятясь, бочком-рачком выкатился из кабинета.

Как ни странно, но незапланированное, второе за утро, явление Шмакова подействовало на настроение Павла Андреевича почти психотерапевтически. И вовсе не потому, что унижение других частенько помогает восстановлению самооценки. (Впрочем, и это тоже.) Тигунов неожиданно поймал себя на мысли, что, невзирая на обилие свалившихся на его рано поседевшую голову проблем, они, проблемы, все-таки были сугубо мужского, брутального, свойства. А таковые могли возникнуть исключительно у настоящего бойца, у крепко стоящего на ногах, уверенного в себе человека, не правда ли?

Павел Андреевич был старше Шмакова на двенадцать лет, но при этом ощущал себя в энное количество раз сильнее – и телом, и духом.

Да и то сказать: слизняк и недотепа Шмаков был способен разве лишь на то, чтобы плыть куском дерьма по течению неведь куда несущей его речки. А вот персонально перед ним, перед Тигуновым, вопрос альтернативного выбора – «по» или «против» течения – не стоял никогда. Ибо, сколь себя помнил, он плыл исключительно в одном направлении. А именно: Туда, Куда Ему Было Нужно! И как бы это ни парадоксально прозвучало, но убийство Червена абсолютно укладывалось в русло такого вот его жизненного кредо. Это только в самые первые дни, узнав о коварной измене, Тигунов дал слабину и распахивался, ощутив себя маленьким, жалким, обманутым стареющим мужчиной. Однако очень быстро он взял

себя в руки и понял, что для того, чтобы его прежний мир окончательно не посыпался, он просто обязан – нет, конечно, не вернуть Марию. Но – наказать! За те часы, в которые ему было нестерпимо больно, она была обязана получить равноценную ответку. Чтобы ей тоже стало... нестерпимо. Так что, как ни крути, но ответственность за смерть Червена в равной степени лежит и на ее округлых мягких плечах. А как иначе?

Да, наверное, в итоге всё получилось излишне жестоко. Особенно с учетом того обстоятельства, что убийство как метод ведения дел Павел Андреевич не признавал и доселе не практиковал. Напротив, он искренне любил жизнь. Равно как любил власть, любил деньги, любил баб. Во всех их проявлениях. В свою очередь и они – все вместе и по отдельности – до сих пор неизменно отвечали ему взаимностью. И дай-то бог, чтобы так оно складывалось и впредь. Хотя бы в обозримом, годков эдак на пяток вперед, будущем.

Ну а там можно и на покой.

Аккурат в ныне возводимые на солнечном мальтийском побережье покои...

* * *

Пока начальник департамента мысленно тешил самолюбие, вытесняя «материальный» негатив последних дней «виртуальным» позитивом, его заместитель по АХЧ⁹ спустился этажами ниже и юркнул в нору своего кабинетика.

Здесь он первым делом заперся изнутри. После чего крайне осторожно, словно бы в «дипломате» хранилось хрупкое стекло, водрузил кейс на стол и щелкнул замочками.

О как! Совсем не стекло, а нечто гораздо более интересное хранил Юрий Платонович в своем раритетном портфельчике! А именно – самое натуральное шпионское приспособление: с помощью куска клейкой ленты во внутреннем кармане «дипломата» был закреплен микрокассетный диктофон со встроенным устройством реагирования на голос (VOX) и подсоединенным к нему наружным, работающим от батарейки, микрофоном. Для обеспечения чистоты записи голосов и разговоров по шву стенки «дипломата», рядом с местом закрепления микрофона, было прорезано крохотное, почти невидимое отверстие. Словом, модель кустарная, бесхитростная, но – вполне себе рабочая и эффективная.

Сгорая от нетерпения, Шмаков аккуратно отсоединил диктофон, немного промотал пленку назад, нажал «стоп» и пустил запись:

– ...Руслан! А про этого долбаного свидетеля удалось что-нибудь выяснить? Это точно никакая не провокация?

– Абсолютно. Совершенно левый чувак. Действительно проходил мимо, ну и... решил, блин, поиграть в Тимура и его команду. Короче, чистой воды форс-мажор.

– Да уж, форс-мажор! Из разряда «подкравишийся песец»!..

Шмаков жадно впитывал диалог, чутко вслушиваясь не только в содержание разговора, но и в интонационные оттенки речи говоривших. По мере прослушивания с лицом Юрия Платоновича происходила удивительнейшая метаморфоза: его привычная мордочка зашуганного серого мышонка, непропорционально растягиваясь, итогово видоизменялась в подобие оскала хищного животного. Как минимум – мышонка саблезубого.

Ох! Доведись сейчас, в эту самую минуту, лицезреть Шмакова кому-нибудь из его коллег! Мнится нам, одним лишь изумлением дело тут вряд ли ограничилось.

Потому как страшен был в пестуемой ненависти своей Шмаков! Ух и страшен!..

⁹ Здесь – административно-хозяйственная часть (сов. термин).

– ...Э-эх! Хорошо пошла, зараза!.. Сколько в ней оборотов?.. Сорок пять? Вещь!.. Да, Пал Андреевич! Я тут, пока из Питера летел, знаете чего подумал? Может, нам этого свидетеля – ТОГО?

– Ты что, сдурел?

– А что такого? Нет человека – нет проблемы. Адрес достать – как два пальца. А все остальное, как говорится, дело бабок и огнестрельной техники.

– Заткнись, придурок! И чтобы я больше подобного креатива от тебя не слышал! Хватит, настрелялись уже!

– Как скажете.

– Уже сказал! И думать забудь!

– Всё! Забыл!

– Хорошо. Теперь вот что, Руслан, слушай меня внимательно. Это надо будет сделать максимально быстро, красиво и без лишнего шума... Прямо сейчас поедешь в банк.

– К Лизке?

– Да, к ней. Скажешь, что нам надо срочно обналичить пол-лимона.

– Лизка может не согласиться. Она в прошлый раз уже намекала, что...

– А если станет артачиться, примем меры. Она знает какие. Так что пусть сначала хорошенько подумает – какого рода хлопоты хлопотнее.

– Так и передать?

– Так и передай... Саму тему надо будет проверить не позднее вечера субботы. Уяснил?

– Да.

– Деньги отвезешь Бруно. Он уже на низком старте. Как исполнишь, разрешаю взять неделю отпуска. Ты, кажется, на Мальдивы собирался?

– Ага.

– Вот как раз и съездишь, развеешься. Но – сперва надо закончить наше общее дело! А потом, аккуратно к твоему возвращению, бог даст, как раз и контракт с итальянцами подоспеет. В котором, между прочим, учтена и твоя доля.

– Спасибо, Пал Андреевич.

– Что мне с твоего «спасибо»? Ты мне лучше тему с Дружниковым разрули, вот это и будет твое – одно большое спасибо.

– Я постараюсь.

– Да уж, постарайся. Умудрился намусорить – сумей и убрать за собой...

Шмаков остановил запись и, будучи не в силах унять охватившего его нервного возбуждения, принялся расхаживать по кабинету, размышляя. Злорадная неприятная улыбка продолжала не сходить с сияющего лица. Наконец, домыслив некое решение, он подошел к телефону, набрал номер:

– Девушка, добрый день! Хочу заказать билет до Питера... Один. На эту пятницу... Да, первое число... Любой рейс, начиная с восьми вечера, бизнес-класс... Да, устраивает вполне. Погодите, я возьму ручку, запишу...

Санкт-Петербург, 29 июня 2011 года, ср.

По возвращении в «Магистраль» взору Петрухина предстала картина поистине неожиданная и удивительная: оставленный с утра за компьютерной игрушкой-стрелялкой Купцов активнейшим образом работал (!) работу. О чем красноречиво свидетельствовали хаотично разбросанные окрест распечатки из баз данных, листки с рукописными схемами-каракулями, а самое главное – сосредоточенное, погруженное во Всемирную паутину лицо напарника.

– Бог в помощь! Я смотрю: дела идут, контора пишет?

Захваченный процессом Леонид лишь отмахнулся: дескать, погоди, не мешай.

Петрухин пожал плечами, взялся было менять уличные кроссовки на служебные тапочки, но вдруг застыл в стойке легаво-охотничьей и профессионально принялся:

– А чегой-то у нас тут парфюмом дамским пахнет?

После такого вопроса Купцов опасливо вынырнул-таки из рабочего процесса и влёт исторгнул удобоваримую легенду:

– Да это так... Из кадров заходила одна... Тетка... Старая и страшная.

– М-да. Чем старше тетка, тем дороже ее духи, – философично изрек Петрухин.

– С чего вдруг такие умозаключения?

– Жизненный опыт, помноженный на здравый смысл: дешевый парфюм не полностью отбивает запах обветшалости. Да, кстати, а на кой ляд мы, такие молодые и красивые, понадобились старой и страшной?

– Просила занести паспорта. Для оформления трудовых договоров.

– М-дя... Уже и в олигархических структурах расцвел махровый бюрократизм. – Петрухин прошел к своему столу, с размахом плюхнулся в кресло и с наслаждением вытянул ноги. – Уф-фф... Укатали сивку лестничные пролеты.

– Так где тебя черти столько времени носили? – закономерно поинтересоваться Купцов, оттесняя скользкую тему происхождения аромата в кабинете.

– Ездил в адрес, на Фурштатскую. В тот самый, из которого Червень отправился в свой последний путь.

– На фига?

– Положа руку на грудь – и сам не знаю, – вполне искренне признался Петрухин. – Видимо, в моей ныне бизнесменской заднице до сих пор тлеют пионерские, они же – оперские, костры.

– Переведи?

– Перевожу: меня малость цапануло упоминание Жоры Челышева о том, что по пачпорту убиенный был прописан на Гражданке, а постоянно проживал в Парголово. Однако в день убийства Червень выходил из дома, стоимость квартиры в коем составляет примерно семь-восемь зеленых лимонов. Спрашивается: что он там делал? И каким образом о его нахождении именно в этом адресе проведал киллер?

– И как? Узнал?

– Обижаешь! Правда, для этого пришлось обойти с два десятка квартир и сочинить с десяток легенд. Потому язык сейчас еле ворочается.

– Ну соверши над ним самое последнее усилие! Хотя бы резюме озвучь?

– А резюме такое: в то утро – как написал бы классик «в то роковое утро» – Червень выходил из квартиры некоей Марии Свешниковой. С которой открыто сожительствовал последние несколько месяцев.

На физиономии Купцова отчетливо проступило разочарование:

– И стоило за-ради такого знания обувку стаптывать? «В то роковое утро он вышел от бабы». Фи! Какая проза!

– Э-э, не скажи! – несогласно замотал головой Петрухин. – Баба бабе рознь! По описаниям соседей, Мария – эдакая полусветская львица, обожающая бриллианты и дорогие иномарки.

– Надо же, какие наблюдательные соседи пошли!

– А в чем ирония?

– Требуется немалый талант, дабы столь глубоко постигнуть внутренний мир стороннего человека. К примеру, лично я за своих соседей по подъезду не знаю практически ничего. Допускаю разве, что они тоже благосклонно относятся к брюликам и дорогим тачкам.

– Приведенный пример лишний раз доказывает, что из тебя сыскарь – как из дерьма гвоздь.

– Я попросил бы!

– Что, правда глаз колет?

– Какая «правда»?

– А такая, что уж своих соседей ты обязан знать – не только в глаза, но и в душу! – снисходительно прояснил Петрухин.

– В смысле: в бога-душу-мать?

– Грубо. Ну да чего иного ждать от следака-неудачника?.. Возвращаясь к нашим баранам: соседи Свешниковой оказались людьми образованными. Регулярно почитывающими «желтую» прессу: газету «Жизнь» и прочие вкусности... Кстати, надо будет попросить Аллочку, чтобы выписала нам пару-тройку бульварных изданий. Ибо не «Коммерсантом» единым жив расейский обыватель.

– Попроси-попроси. Кому-кому, а тебе Аллочка, безусловно, даст, – отыгрываясь по очкам, съязвил Купцов.

– Отставить намеки!

– Да уж какие тут намеки? Фактически открытый текст.

– Вот и закрой его. Фактически. А если завидно – сиди и завидуй молча... Так на чем я остановился?

– На полусветской львице Марии.

– Да. Так вот, Свешникова, оказывается, принадлежит к... э-э-э... паноптикуму героинь колонок светской хроники. Навроде Ксюши и Тины.

– Ты, наверное, хотел сказать «к пантеону»?

– Не умничай! Вот только за Ксюшу и Тину знает вся страна, а за эту лишь избранные ее члены. Хм... однако каламбурчик получился, не находишь?

– На мой вкус – пошловатый.

– Ну да ты у нас известный моральный затор.

– Кто-кто?

– Человек, который, услышав слово «пиписька», немедля покрывается багрянцем.

– Исчерпывающая терминология. Филолухи нервно курят.

– То-то я и гляжу, что ты вторую подряд смолишь... Короче, исходя из такового знания о «Маше, да не нашей», естественным образом возникает вопрос, – тут Петрухин перешел на узнаваемый армянский акцент Фрунзика Мкртчяна, – «если женщина каждый день артиста видит, академика видит, космонавта видит, Иштояна видит...»¹⁰

– Хочешь сказать, что директор заурядного охранный предприятия для Маши вроде как не пара? – «перевел» Купцов.

– Именно! О, догадливый мой! В общем, до Червения у Свешниковой имелся солидный папик в лице некоего московского чиновника. Который, собственно, и заделал барышне: и эту квартиру, и навороченный «порш», и ребенка мужеского полу.

– Ну на бином Ньютона по-любому не тянет. Папик наверняка был старый, душный и потный. В отличие от мачоподобного, спортивного телосложения покойного. Как уверял товарищ Бендер: «Девушки любят молодых, длинноногих и политически грамотных».

– Возможно, в данном случае ты прав, – нехотя согласился Петрухин.

– Кстати, а как фамилия чиновника?

– Пока не знаю. Но это нетрудно установить, отследив историю покупки «порша» через гибэдэдэшную базу. Впрочем, наверняка можно и проще – через ту же бульварную прессу... Другое дело, что к истории с нашим заводом эта любовная драма едва ли имеет отношение.

¹⁰ Здесь – цит. из к/ф «Мимино».

А задачу раскрыть убийство Червения нам с тобой не ставили. Потому сие знание остается разве что заархивировать в отдельную папочку. Сообразно с тезисом: «Ничто на земле не проходит бесследно».

Купцов задумался.

– Не удивлюсь, если выяснится, что фамилия папика – Омельчук. Между прочим, похоже, это его депутатские номера ты на днях срисовал на нашей парковочке.

– Обоснуй.

– Вот, смотри, – Леонид поднял с пола одну из распечаток. – По данным «СПАРК-Интерфакс», Червень в «Квадриге» был всего лишь наемным топ-менеджером и имел скромные пять долей в уставном капитале. Основным же учредителем охранного предприятия (шестьдесят долей!) значится Ионов Б. Г.

– Ионов? Это который из «Зенита»?

– Футболиста «Зенита» зовут Алексей. А этот – Борис.

– Хм... Ну тем хуже для Бориса.

– Как сказать. Если верить Яндекс, который всё про всех знает, Ионов Б. Г. приходится Омельчуку племянником.

– О как?

– Еще горячее, чем просто «О»! Именно господин депутат, как удалось мне выяснить в ходе... э-э-э... оперативно-розыскных мероприятий, сосватал Брюнету «Квадригу» для охраны вологодского объекта.

– Ни фига себе! – вскинулся Петрухин. – Погодь, дружище, это точно? Или предположительно?

– Скажем так: предположительно-точно.

– Ай да Витя! Ай да сукин сын!.. Хм... И что мы в таком разе имеем с гуся? А, Купчина?

– Что Брюнет трет какие-то вопросы с депутатом Омельчуком. Фамилия которого давеча всплывала при нашем разговоре с Жорой Гладышевым.

– При этом терки, похоже, связаны с лоббированием интересов «Магистрали» в споре вокруг вологодского заводика, – с ходу врубившись, подхватил и развил тему Дмитрий. – И если допустить, что депутат взялся решить эту проблему, почему бы не допустить и второе – за услугу он попросил Витюшу обеспечить хлебушком принадлежащую ему де-факто «Квадригу». Есть логика – нет?

– Вроде как есть.

– Я тоже так думаю. Далее: проходит какое-то время, и директора этого ОП валят на Фурштатской. А через пару дней нас с тобой вызывает Брюнет и просит немного «поводить жалом». Якобы «на всякий пожарный»? – Глаза у Петрухина загорелись, он резко подорвался с места. – А ну пошли!

– Куда?

– ТУДА! Я ему, блин, щас устрою – профилактическое мероприятие!..

* * *

– Вот честное бизнесменское! И в мыслях не было! – эмоционально жестикулируя, оправдывался припертый к стенке аргументами решальщиков застигнутый врасплох Виктор Альбертович.

В данный момент сами господа инспектора, вольно развалившись на диване, олицетворяли собой двойку суровых присяжных. А Брюнет, пребывая как бы в шкуре обвиняемого, нервно расхаживал по кабинету:

– Я абсолютно уверен, что Омельчук в этой истории – не при делах! Вы поймите! Мы с Жекой... хм... мы с Евгением Богдановичем – зёмы! Знаем друг друга чуть ли не со стерильно-роддомовского младенчества!

– Ясен пень, не при делах, – саркастически подтвердил Петрухин. – Вот только отчего-то киллер на первом же допросе слил его фамилию. В числе предполагаемых заказчиков убийства.

– Еще и визиточкой козырнул. Евоного помощника, – съябедничал Купцов.

– Ну вы, блин, даете! Визитка! Так они для того и существуют! Чтобы их кому ни попадя раздавать и где ни попадя оставлять! Тем более – визитка депутатского помощника! Смешно, ей-богу... А что касается Омельчука... Уверяю вас: их отношения с Червеном... хрен ему между... были исключительно рабочими. Они и виделись-то раз в квартал, если не реже. А так все вопросы решались через племянника. И вообще: «Квадрига» – не тот бизнес, который приносит Омельчуку основные доходы. Так, братишкам-сестришкам на молодчишко, не более.

Дмитрий уперся взглядом в Брюнета. И заговорил медленно, с нажимом:

– Тем не менее получается, что, когда ты ставил нам с Купчиной задачу «поводить жалом», тебе уже было известно, что Омельчука дёргали в прокуратуру в связи с убийством Червения. И именно этот факт, а не предполагаемые «интегральные» хлопоты стал истинной причиной твоего интереса к этому делу. Так?

– В общем, да, – не сразу сознался Голубков.

– Поздравляю вас, гражданин соврамши. Да, кстати, а как насчет Маши Свешниковой?

– А что Маша? – несказанно удивился Брюнет, никак не ожидавший захода с такой стороны.

– Она ведь до недавнего времени ходила в содержанках Омельчука?

– В своем отрочестве Маша перебивалась в содержанках у половины деловой Москвы! И у одной трети делового Питера! – пренебрежительно фыркнул Виктор Альбертович. – Так вот Жека... Евгений Богданович – он во второй половине!

– А чего так? Неужто мальчиков больше любит? – невинно поинтересовался Петрухин.

– Да потому что он терпеть не может гламурных шалав! – рявкнул Голубков.

– Но тем не менее ребеночка он ей заделал.

– Да откуда у вас такие сведения?!

– Мы своих источников не сдаем!

– Говно у вас, а не источники! Мой вам совет: поинтересуйтесь при случае фамилией дитяти Свешниковой. Не удивлюсь, что таковой окажется Тигунов. Как минимум, отчество будет Павловна. Или Палыч.

– Ху ис Тигунов?

– Павел Андреевич Тигунов. Шеф международного департамента в Минспорттуризме. Очень серьезный человек. Некогда имел, а может – имеет до сих пор, серьезные подвязки с «тамбовскими»... Правда, бабник. Ну да все мы... хм... не без греха... По слухам, именно этот старый конь пропахал Свешникову. И, как вы выражаетесь, «заделал» ей ребеночка.

– Хорошо, Витя, мы поинтересуемся. Обещаю.

– Вот и добре. Только не перестарайтесь. Потому как «многие знания – многия печали», – слегка подуспокоился Брюнет.

Он перестал, наконец, расхаживать по кабинету и бухнулся в начальственное кресло:

– Да, а пока один из вас станет «интересоваться», ко второму у меня будет серьезное поручение.

– У-у-у! Начинается!

Стоически проигнорировав петрухинское «у-у-у», Голубков продолжил:

– В пятницу нужно сопроводить нашего юрисконсульта на Вологодчину. На историческую, так сказать, родину «Интеграла».

– Час от часу не легче! Слыхал, Купчина? Оказывается, все ранее поведенное было не более чем прелюдией! Просто наш с тобой босс издаля заходит.

– Борисыч!

– Я!

– Ты не борзей, а? Все ж таки пока я в этих стенах банкую, а не...

– Понял. Ты начальник, а мы – так. Приношу свои извинения. Был неправ. Вспылил. И все такое... Но я обратно не догнал: ты же только что сознался, что «Интеграл» при сложившихся раскладах вроде как не при делах.

– А это совершенно иная история, к убийству Червена касательства не имеющая. Просто Яна Викторовна должна получить там один важный документ. И мне очень не хочется отправлять ее туда одну, без охраны.

– А то у тебя в подчинении без нас быков недостает? – Дмитрий интонационно дал понять, что вообще-то они с напарником нанимались в «Магистраль» отнюдь не в качестве телохранителей.

– Быков у меня целое стадо! Вот только тема планируется дюже деликатная. Исходя из чего мне потребен пускай и не бык, но бычок. Главное – чтоб с мозгами.

– Хм... какой-то сомнительный у тебя комплимент получился. Не находишь?

– Ну извиняйте, чем богаты.

– То есть поездочка получается с захватом выходных?

– А в бизнесе выходных нет. Привыкайте, господа решальщики! Словом, определитесь промеж собой до вечера – кто поедет, надо заказать билеты.

– А зачем билеты? Тут на машине часов шесть-семь езды, вряд ли больше? – удивился такой постановке вопроса Купцов.

– С машиной по дороге всякие казусы могут приключиться.

– Типа засада в кустах? С гранатометом? – с ухмылочкой предположил Петрухин.

– Как вариант, – подтвердил безо всяких ухмылочек Брюнет.

– Не понял? Это шутка? Или на самом деле все настолько серьезно?

– Не знаю, мужики. Ей-богу, пока до конца еще сам толком не выяснил, – тщательно подбирая слова, признался Голубков. – А коли так, лучше до поры «перебздеть». В любом случае самолетом – оно и быстрее, и спокойнее.

– Это как посмотреть, – усомнился, мягко говоря, недолголюбивавший полеты Леонид. Да что там – панически их боявшийся!

– После! После досмотрим... И все, мужики, хорош! Подробности, инструкции, маршруты, рабочие легенды – с этим позже решим! Вы мне тут уже полчаса мозг грызете. За некое отцовство некоего бастарда. А у меня в приемной, между прочим, большая шишка из Минтранса томится.

– Ну супротив «шишки» нам с инспектором не устоять, – примирительно сказал Петрухин, подымаясь. – И все-таки, Витя, давай на будущее договоримся: когда нам ставится какая-то задача, мы должны получать максимум информации. Вне зависимости от того, считаешь ты ее имеющей отношение к делу или же нет. Равно как, по возможности, постарайся не использовать нас втемную. В своих, столь же темных, делишках.

– БОРИСЫЧ!!!

– Всё-всё, уходим...

* * *

Инспектора вернулись в свою служебную конуру и выразительно уставились друг на друга. Оба – с тайной надеждой. Потому как не хотевший тащиться во тьмутаракань Петрухин надеялся деликатно сбегать командировочку другу. А друг, в свою очередь, очень хотел в таковую вписаться. Но «вписаться» так, чтобы не вспугнуть напарника подозрительной поспешностью своего согласия.

– Вообще-то у меня на эту субботу намечалось планов громадье, – осторожно закинул удочку Дмитрий.

– В принципе, я тоже не рассчитывал на прогулку к дому, где резной палисад, – как можно незаинтересованнее парировал Леонид.

– Оно, конечно, сперва хотелось бы взглянуть на эту Яну Викторовну. Если, сугубо эстетически, там всё при ней, еще куда ни шло.

Купцов псевдо-трагически закатил глаза:

– Друг мой, спешу тебя разочаровать: я намерен встретил в кулуарах эту юристконсультшу. Так вот, в сравнении с ней старая и страшная тетка из кадров – Жанна Фриске.

– Эвона как? Тады вдвойне обидно. Ну и... Чего делать станем?

– Ты – старшой, тебе и карты в зубы.

– Карты, говоришь?.. А что? Это мысль! Предлагаю жребий.

Леонид равнодушно пожал плечами:

– Довериться слепому случаю?.. Впрочем, лично я не возражаю. Правда, картишек у меня нет, но вот монетка где-то завалилась, – Купцов перевернул вверх дном стаканчик с карандашами, и из него, помимо разного происхождения мелкого мусора, действительно выкатилась монетка. – Значит, так: если «орел» – еду я, «решка» – ты.

– А чего это вдруг я – и сразу решка?.. А, ладно, фигачь!

Напарник подкинул монетку, словил на ладонь, перевернул:

– Тьфу, блин!.. Повезло вам, товарищ Петрухин.

– Не переживай, Купчина. Будет и на твоей улице праздник, – не скрывающий довольства Дмитрий снисходительно потрепал напарника по плечу. – В конце концов, не бывает некрасивых женщин, а бывает...

– Ловлю на слове! С тебя пузырь вискаря!

– Заматерел, командор! Раньше и водочкой за милую душу обходился.

– Стыдитесь, инспектор! Не могу же я ударить в грязь перед руководителем нашей юридической службы!..

* * *

Солнце над Невой висело в дымке. С самого утра парило нещадно и было очевидно, что дело вроде как наконец-то идет к грозе. По крайней мере, очумевшим от жары последних дней горожанам оптимистично думалось, что, когда гроза все-таки придет и обрушится на город плотными потоками воды с раскатами грома, вот тогда и станет легче. Вот-де: пахнет озоновой свежестью, и станет легче... Но грозы нужно было еще дожидаться. А пока – солнце, похожее на огромную плешистую голову, продолжало «дымиться», заставляя тела прохожих, проезжающих и проплывающих, покрываться липким потом...

Бесцельно бредущий по Петроградской набережной компьютерщик Саша Грибков был покрыт таковым ажно в два слоя: первый – свойства природного, а второй – сугубо «нервного». А все потому, что буквально несколько минут назад ему на мобильник сперва позвонил старший оперуполномоченный Гладышев. И хоть и в полусутильном, но одновременно

в приказном порядке велел явиться завтра к 14:00 в ДК полиции, что на улице Полтавской. Для «участия в церемонии чествования гражданина Грибкова, проявившего гражданское мужество в деле задержания опасного преступника». «Страна должна знать своих героев!» – резюмировал свой звонок-монолог Гладышев, при этом противоположное мнение самого «героя» по данному вопросу его ничуть не заинтересовало.

А едва отключился мент, трубка затрезвонила вновь, выветив на дисплее еще более неприятную комбинацию цифр: московский абонент огорошил Грибкова сообщением о внезапном визите на берега Невы. Безо всяких, в отличие от опера, шуточек, но также в приказном порядке распорядившись приготовить необходимые аппаратуру и соответствующее программное обеспечение. «Нам с тобой, сынок, снова предстоит серьезная творческая работа! Посему в пятницу снимешь номер в „Амбассадоре“, ближе к вечеру заселишься, настроишь машинку... Словом, всё по старой схеме», – «обрадовал» Грибкова москвич и, традиционно не размениваясь на вербальные подробности, скинул звонок.

Случится ли сегодня в Питере вожделенная гроза или снова стороной пройдет – это еще бабка надвое сказала.

Но вот персонально над головой Грибкова тучи вовсю сгущались. И он в которой раз горько пожалел о том, что некогда позволил дать слабину и вписался в сей, по-настоящему смертельно-опасный, как выяснилось, блудняк.

Вот уж воистину: кому велено мурлыкать – не чирикайте. А уж коли велено программировать – так сиди и жми на кнопки.

И не суйся в стрёмные игры больших дяденек...

Глава третья

Санкт-Петербург, 30 июня 2011 года, чт.

Предстоящая поездка должна была обернуться двумя днями, вряд ли больше. Тем не менее этим вечером Купцов уже час кряду собирал дорожную сумку, придирчиво перебирая вещи из своего скромного гардероба. Всё не мог решить – какой стиль одежды избрать, дабы не ударить в грязь своим и без того, по его мнению, не выдающимся лицом перед очаровательным личиком Яны Викторовны. Удобный походный вариант (джинсы, свитер, мокасины) оказался ощутимо потрепан, а местами и заштопан и смотрелся уж слишком «туристически». В свою очередь вариант деловой, при подходе к зеркалу, навевал известные ассоциации с домашним животным и седлом. И вообще – отдавал какой-то бизнес-казенщиной.

Купцов рылся в шкафу, мысленно браня себя за то, что столь поздно задумался о важнейшей, как теперь выяснялось, составляющей командировки. Той, которая на пару с дамой. Самое обидное, что ведь и деньги с недавних пор завелись. Казалось бы, чего проще – потратить один вечерок на магазины и впрок запастись достойными, из тех, которые «пыль в глаза», представительскими шмотками? Ан нет! Все недосуг было: шмотка – не водка, всегда обождать может...

– И не забудь теплые вещи! – приказным порядком громыхнула заглянувшая в комнату сестрица. – На север едешь.

– Во-первых, не на север, а на восток. А во-вторых – там точно такая погода, как у нас. Я в Интернете специально справлялся.

– Такая, да не такая! По ночам – холодно.

– А я по ночам шариться и не собираюсь.

– Ага! Знаю я тебя! – тоном сварливой супруги парировала Ирина. – И вообще: почему в командировку едешь ты, а не твой Петрухин? Он человек несемейный. Вот пускай бы...

– Да я вроде тоже. Не шибко обремененный, – пожал плечами Купцов.

Он оставил изучение внутренностей шкафа, поняв всю бесперспективность занятия, и переключился на упаковку предметов личной гигиены.

А вот как раз здесь было чем по-настоящему гордиться: по дороге с работы Леонид специально заехал в «Рив Гош», где приобрел дорожную туалетную воду («Европейский запах года!» – клятвенно заверила продавщица) и новый дезодорант.

– Здрасте! Несемейный он, видите ли! – заблуждала Ирина. – А я?! Бросает родную сестру в самый ответственный период! Когда у нее поступление на носу!

– О! Кстати, Ирка, ты документы подала?

– Вспомнил! Наконец-то!

Купцов малость смутился, так как в данном случае претензия была абсолютно обоснованной:

– Да я всегда помнил. Просто в последние дни... замотался...

– Замотался он! – фыркнула сестрица. – Подала!

– И куда?

– Тебе как? Все пять вузов перечислить?

– А почему пять? Как это?

– О, господи! Купцов-старший!

– Я!

– Ну нельзя же быть таким беспросветно серым?!

– А что? Я что-то не то спросил?

Ирина хотела было окончательно взорваться в праведном своем негодовании, но в последний момент просто отмахнулась:

– Всё. Проехали... Но свитер возьми обязательно. Кстати, с кем ты едешь?

– Да так... С одним человеком. С работы.

– Что за человек?

– Просто с работы. Я его и сам толком еще не знаю, – в последней своей фразе почти не соврал Леонид.

– Но надеюсь, хотя бы к вечеру воскресенья вернетесь?

– Не знаю. Как сложится. А что?

– Анна Сергеевна должна зайти.

– Хм... На фига?

– Фотографии обещала принести. С нашей майской поездки в Выборг. Ну и... вообще. Что, человек просто так в гости не может зайти?

– Может-может, успокойся. Человек может. А вот я, Ириш, боюсь, могу не успеть. Там очень много работы и... А, ч-черт!!!

В без того тяжеленный пакет Купцов сунул до кучи электробритву, и – полиэтилен не выдержал, лопнул по шву днища.

Глухо стукнула об пол тяжелая, обманным путем полученная бутылка вискаря.

– Ага! Так вот что вы, товарищ бывший следователь, называете сложной работой? Всё с вами понятно!

Ирина горделиво вскинула свой с очаровательной ямкой подбородочек и вышла из комнаты.

– М-да... Никогда еще Штирлиц не был так близок к провалу, – присев на корточки, задумчиво произнес Леонид.

Ибо по случайности сестрица не разглядела, что, помимо бутылки, из разорванного пакета выпала еще и пачка презервативов.

Прикупленных Купцовым так, на всякий пожарно-счастливый случай...

Санкт-Петербург, 1 июля 2011 года, пт.

Провожать Яну во двор вышло всё её нано-семейство – Глеб, мама и старенькая, а потому регулярно впадающая в инфантилизм длинношерстная такса Алиса. Она же Люся, она же – в зависимости от ситуации – «2 кг счастья» или «зараза такая».

Уж не знаем, так же ли тщательно, как давеча Леонид, продумывала Асеева свой командировочный наряд, но сегодня она изменила привычному деловому стилю, облачившись в темные низкой посадки джинсы с поясом много ниже пупка и в легкомысленную с коротким рукавом футболку. С легкомысленной же надписью на груди – на вполне себе достойной, заметим, груди! – «I am not acquainted!»¹¹.

Такой вот молодежный стиль вкупе с новой укладкой (или просто с креативной взлохмаченностью?) преобразил Яну Викторовну настолько, что, наблюдая ее стоящей сейчас рядом с пятилетним сыном, человек сторонний вполне мог принять эту парочку за малолетнего брата и его старшую сестру. Эдакие Аленушка и братец Иванушка...

– Яночка! Когда долетите, сразу мне позвони!

– Мам, ты мне это уже пятый раз за утро говоришь! Конечно, позвоню.

– И шестой раз скажу! И десятый! – упрямо не успокаивалась Ольга Антоновна. – Вон, с этими самолетами каждый месяц что-нибудь да случается. Ох! Тьфу-тьфу-тьфу... Неужели нельзя было поездом поехать?

¹¹ «Я не знаколюсь!» (Англ.)

– Мамулечка! Все будет хорошо!.. Глеб! Слушайся бабушку! И не вздумай, пока меня нет, кланчить очередной «лего»! Ясно?

– Ага. А ты новый магнитик на холодильник привезешь?

– Ой, не знаю, Глебыч. Мы в самом Череповце только в аэропорту и будем. А городишко, в которой дальше поедem, он совсем маленький. Боюсь, там с магнитами напряженка.

– Тогда просто чего-нибудь привези. Все равно чего. Ладно?

– Ну конечно! – Асеева притянула к себе сына и ласково потрепала его за вихры.

– И для Алиски новый ошейник!

– Что? Еще один? У нас их уже складывать некуда!

– Найдем куда складывать, – тоном делового мужичка уверенно пообещал сын.

– Вот-вот. И приберись, кстати, у себя в комнате. Чтобы было куда складывать. Договорились?

Глеб смешно наморщил лоб, снова продемонстрировав «мужицкую жилку». Потому как любому мужику понятно, что обещание «прибраться» – на порядок сложнее, нежели «не кланчить новый „лего“». Особенно когда купленное матерью на прошлой неделе поселение викингов еще до конца не отстроено.

– Ой! Ма, за тобой дядя Коля приехал! Я его первым увидел! Смотри, вон там!

– Вижу-вижу. Алиску держи, чтоб под колеса не бросилась. С нее, старушки, станется. Через несколько секунд к подъезду подкатила служебная «фронтера».

Николай Иванович Луканин, который после приснопамятных событий с убийством Нокаута был оставлен в автопарке «Магистрали» исключительно стараниями решальщиков¹², выбрался из машины, по-взрослому, за руку, поздоровался с Глебом, церемонно кивнул в сторону женщин и перехватил у Асеевой чемодан.

Сцена прощания вступила в финальную фазу. Глеб повис на шее Яны, обняв так, словно бы мать уезжала не на два дня, а на две недели. Ольга Антоновна продолжала повторять мантру-скороговорку про ненадежность современного отечественного авиапрома.

Даже такса Алиса – и та перешла с поскуливания на отрывистый, хрипатый лай. Словно предупреждая пророчески: «Не надо бы тебе туда ехать, кормилица! Одумайся, пока не поздно!»

– Яна Викторовна! Нам бы... того... Потому как – пробки. Полгорода стоит, – деликатно напомнил о себе Луканин.

– Да-да, Николай Иванович. Едем.

Тем временем сидевший в припаркованной метрах в пятидесяти от подъезда Асеевых черной «бээмвухе» и пристально наблюдавший за происходящим во дворе Гордей достал из кармана мобильник:

– Пал Тимофеич!.. Это я... Асеева вышла из дома с чемоданом и сумкой. Попрощалась со своими. Похоже, собирается уезжать куда-то далеко... Да... Понял, хорошо...

«Фронтера» тронулась с места. Глеб наперегонки с Алиской проводили ее до самого выезда со двора, после чего побрели обратно, к бабушке.

Причем старушку-таксу пришлось снова взять на руки – чтобы та, с дури да сослепу, случайно не попала под колеса выруливавшей навстречу мальчику и собаке черной ино-марке...

* * *

– Ну давай, дружище! Как говорится, выпьем за то, чтобы число взлетов оказалось равным количеству посадок.

¹² Подробности этой истории – см. «Решальщики», книга первая «Перезагрузка».

– Тыфу на тебя! Вечно не в кассу шлёпнет, – проворчал Купцов, прикладываясь к рюмке.

Его дорожная, готовая к путешествию сумка стояла под вешалкой и на багаж командировочного габаритами своими не тянула, выдавая в хозяине типичного аскета. Более того, в последний момент, уже здесь, в конторе, Леонид вытащил из нее ноутбук, рассудив, что пару дней вполне может обойтись и без Интернета. «Да и есть ли вообще wi-fi в этой заднице мира?»

Инспектора дожидались приезда Луканина, который, забирая юрисконсультшу из Озерков, на обратном пути должен был подхватить Купцова и доставить обоих командированных в аэропорт. Коротая время, приятели дегустировали некогда презентованный Брюнетом – то ли с барского стола, то ли с барского плеча – дорожный коньяк. При этом работающий виночерпием Петрухин наливал себе с горочкой, а вот Купцову – чисто гомеопатически.

– Так, тебе самую последнюю – и хорош. Да, и на вот. – Дмитрий услужливо сунул в карман напарнику пачку жевательной резинки. – Сожрешь сразу несколько. Дабы чудовище лишний раз не раздражать.

– Кого не раздражать?

– Яну Викторовну твою, кого ж еще?

– Аа-а! Спасибо.

– И – не дрейфь, дружище! В конце концов, там наверняка должны водиться местные отзывчивые селянки. Падкие на гостей из культурной столицы.

– Те, которые «отзывчивые», давно в эту самую культурную столицу перебрались. На заработки.

– Может, и так, – покладисто согласился Петрухин. – Тогда извини, но больше ничего не остается, как залудить в вечеру вискаря и брать штурмом старую и страшную юрисконсультшу. Только ей много не наливай: практика показывает, что пьяное женское чудовище способно на грубое изнасилование.

– Было бы неплохо, – машинально отозвался Купцов.

– Чего «неплохо»?

– А? Да нет, это я так, о своем.

– Ну-ну. Короче, ты там не тушуйся. И помни: командировка без секса, это все равно что...

– Блин! Ты заколебал меня уже! Со своим сексом!!! – непроизвольно взорвалось многонедельно-неудовлетворенное купцовское либидо.

– Спокойнее, инспектор! Держите себя в руках! Между прочим, мы с вами еще не в том возрасте, чтобы уподобляться Исааку Абрамычу.

– Кому?!

– Как? Ты не в курсе? Анекдот такой есть. Мне его Шафаревич, опер из Бэ-Ха-Управления, рассказывал: «„Исаак Абрамович, таки как вы относитесь к сексу?“ – „Если честно, не очень“. – „А шо такое?“ – „Во-первых, меня укачивает. А во-вторых, после меня надо перетрахивать“».

Не успел Петрухин заржать над своим же анекдотом, как в кабинете затревознил телефон.

– Вас слушают! – официально отозвался Дмитрий и тут же сменил тон на игривый, рассчитывая на легкую зависть напарника. – Ах, это ты, заюшка!.. Что?.. Угу. А уж как я-то соскучился... А вот сегодня вечером и встретимся... Что ты говоришь?.. Уже подъехали?.. Да, здесь... Сейчас выходит... Ну все, целую... Господин инспектор, таксо подано! Луканин с мадам на парковочке.

– Ну тогда пошел я, что ли?

– Давай хоть сумку до машины донесу, – благородно предложил Петрухин.

– Не надо, не провожай. А то еще расплачусь.

– Наше дело предложить – ваше дело отказаться. Всё, счастливо... Да, и это... – Дмитрий неожиданно посерьезнел: – Ленька!

– Ау?

– Я так и не понял, что там Брюнет намекал насчет гранатомета и засады. Его ведь не поймешь – то ли хохмит, то ли и в самом деле знает больше, чем говорит. Но все равно – поаккуратнее там. И лишний раз на рожон не лезь. Лады?

– Да вы никак тревожитесь за меня, инспектор? – прищурился Купцов.

И Петрухин в ответ поспешил разбавить искреннюю озабоченность напускным цинизмом:

– На самом деле я в первую очередь за себя тревожусь. Попадешь там, по извечной дурости своей, в какой-нить блудняк. А разруливать да дерьмо разгребать кого следом пошлют? Вот то-то...

* * *

Купцов вышел из кабинета, а Дмитрий переместился к окну, привычным жестом раздвинул жалюзи и выпепил взглядом «фронтеру», коей в данный момент Коля-Ваня старательно протирал лобовое стекло. Рядом стояла незнакомая Петрухину ладная шатенка (всё при ней!) и курила длинную дамскую сигарету.

– Не понял? А где бабуля? Странно... Хм, а это что за мамзель? Почему не знаю?... А ведь хороша! Ей-богу, хороша!

Через минуту на парковке показался Купцов, и Коля-Ваня, торопливо выдвинувшись навстречу, угодливо перехватил у него сумку. Всё правильно: после истории с убийством Нокаута Луканин был инспекторам по гроб жизни должен.

Освободившись от багажа, Купцов за руку поздоровался с шатенкой и вполне по-свойски заговорил о чем-то. Вскоре та расхохоталась, а вот наблюдавший за ними Петрухин, напротив, нахмурился. Смутная догадка мелькнула в его мозгу.

Дальше – больше: дождавшись, когда барышня докурит, Купцов, как бы невзначай, приобнял ее в районе ягодиц и, сопроводив до машины, галантно распахнул дверцу. Шатенка забралась в салон, а Купцов неожиданно обернулся и метнул горделивый взгляд в сторону окон кабинета решальщиков. Словно бы заранее просчитав, что напарник обязательно станет наблюдать за процессом погрузки в машину.

Мало того! Видимо желая добить окончательно, Леонид еще и показал невидимому приятелю язык и лишь после этого скрылся в салоне. Втиснувшись не на переднюю, как обычно, а на заднюю парту – аккуратно к даме...

– Ах ты ж скотина! – поперхнулся возмущением Петрухин. – Значит, говоришь, «чудовище»? «Старая и страшная»?!

Он бросился к столу Купцова, высыпал из стаканчика карандаши, схватил давешнюю «судьбоносную» монетку и взревел уже гневливо. Ибо та проходила по разряду сувенирной продукции и имела «орла» как на стороне аверса, так и на реверсе.

– Так я, значится, «решка»?!! У-у-у! Развел, зззаразза! Как ффраера дешевого, разззвел!..

...где-то в небе между Питером и Череповцом, 1 июля 2011 года, пт.

От Питера до Череповца всего-то час лету. Однако, не будь сейчас рядом Яны Викторовны, и эти шестьдесят минут обернулись бы для Купцова испытанием, по совокупности негативных эмоциональных ощущений схожим разве что с визитом к стоматологу. А всё потому, что в этом жестоком и беспощадном мире Леонид по-настоящему боялся всего двух вещей – самолетов и бормашин.

Ну да, сидючи не то что локоть в локоть, а буквально грудь в грудь с красивой женщиной – в крохотном Jet-200 понятие «бизнес-класса», как известно, весьма относительное, – поневоле забудешь обо всех своих фобиях...

– Яна Викторовна, я правильно понял, что наша задача сводится единственно к встрече со вдовой и получению от нее подлинника свидетельства о смерти мужа?

– Вы правильно поняли.

– А в чем тогда пафос? Нет-нет, вы не подумайте ничего такого... напротив, мне чертовски приятно сопровождать... столь очаровательную женщину. – Здесь Асеева невольно усмехнулась, – Просто Брю... хм... Виктор Альбертович нагнал вокруг нашей поездки немного жути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.